

235155.

ГЕРОИ КРАСНОДОНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1943

Цена 60 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

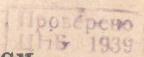
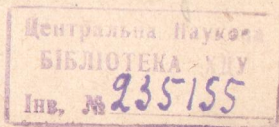
00908113

6

ГЕРОИ КРАСНОДОНА

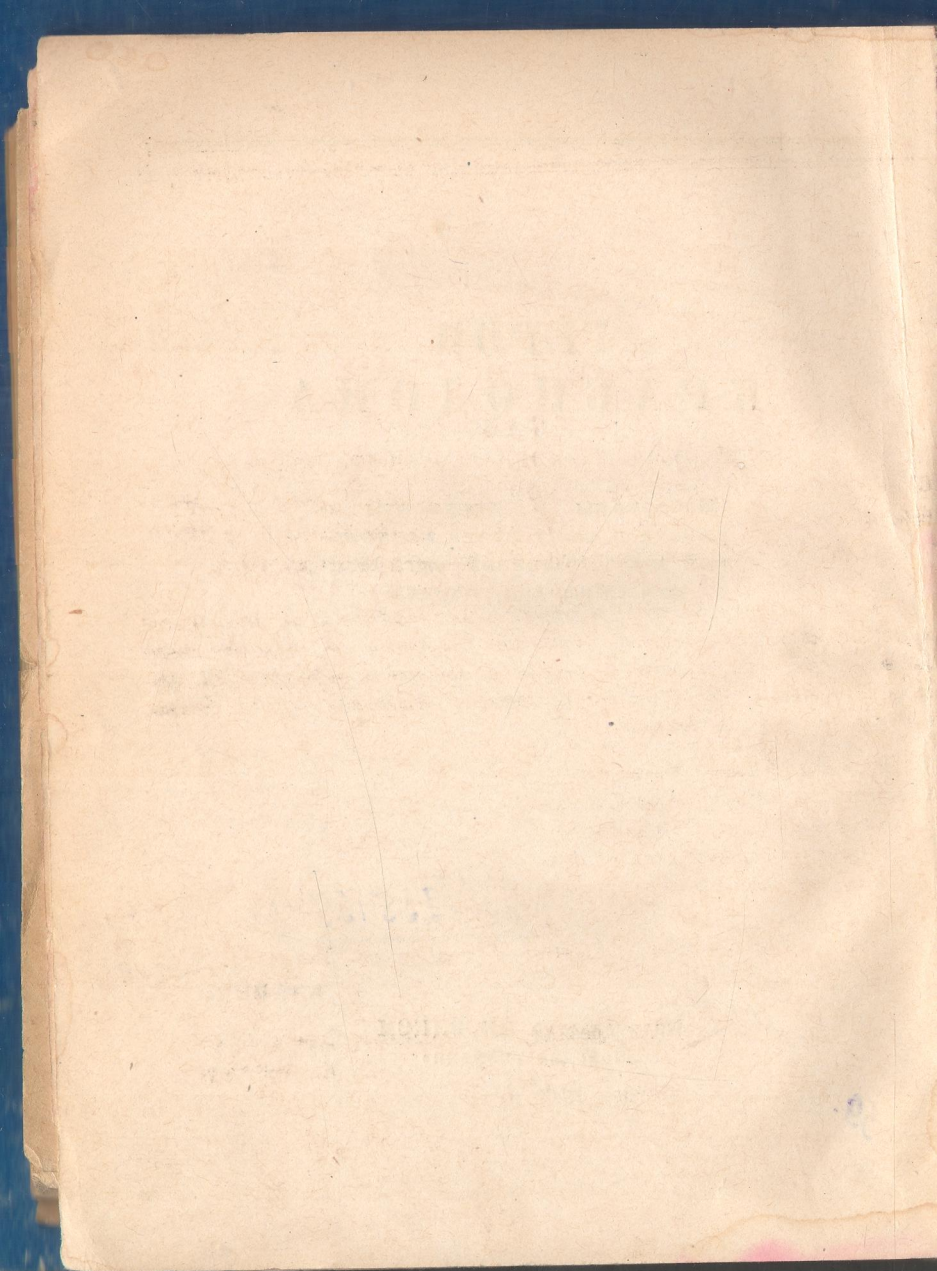
(Материалы и документы о
работе в тылу врага подполь-
ной комсомольской организа-
ции «Молодая гвардия»)

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1943

59.

84

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОРГАНИЗАТОРАМ И РУКОВОДИТЕЛЯМ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

За выдающиеся заслуги в организации и руководстве подпольной комсомольской организацией «Молодая гвардия» и за проявление личной отваги и героизма в борьбе с немецкими захватчиками присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

Громовой Ульяне Матвеевне
Земнухову Ивану Александровичу
Кошевому Олегу Васильевичу
Тюленину Сергею Гавриловичу
Шевцовой Любове Григорьевне

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 13 сентября 1943 года

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ КОМ- СОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в тылу врага, наградить:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Попова Анатолия Владимировича
2. Сумского Николая Степановича
3. Туркенича Ивана Васильевича

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

1. Андросову Лидию Макаровну
2. Бондарева Василия Ивановича
3. Бондареву Александру Ивановну
4. Герасимову Нину Николаевну
5. Гловань Бориса Григорьевича
6. Дадышева Леонида Алексеевича
7. Дубровину Александру Емельяновну
8. Елисеенко Антонину Захаровну
9. Жданова Владимира Александровича
10. Иванихину Антонину Александровну
11. Иванихину Лилию Александровну
12. Кийкову Евгению Ивановну
13. Куликова Владимира Тихоновича
14. Левашова Сергея Михайловича
15. Лукашева Геннадия Александровича
16. Лукьянченко Виктора Дмитриевича
17. Машенко Антонину Михайловну
18. Минаеву Нину Петровну

19. Мошкова Евгения Яковлевича
20. Николаева Анатолия Георгиевича
21. Орлова Анатолия Александровича
22. Остапенко Семена Марковича
23. Осьмухина Владимира Андреевича
24. Пегливанову Майю Константиновну
25. Петля Надежду Степановну
26. Петрова Виктора Владимировича
27. Пирожок Василия Марковича
28. Rogozina Владимира Павловича
29. Самощину Ангелину Тихоновну
30. Сафонова Степана Степановича
31. Сопову Анну Дмитриевну
32. Старцеву Нину Илларионовну
33. Фомина Демьяна Яковлевича
34. Шищенко Александра Тарасовича
35. Щербакова Георгия Кузьмича

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Арутюнянц Георгия Минаевича
2. Борц Валерию Давыдовну
3. Иванцову Нину Михайловну
4. Иванцову Ольгу Ивановну
5. Шищенко Михаила Тарасовича
6. Юркина Радия Петровича

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 13 сентября 1943 года

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ КОШЕВОЙ ЕЛЕНЫ НИКОЛАЕВНЫ ОРДЕ-
НОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

За активную помощь, оказанную подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в борьбе с немецкими захватчиками, наградить Кошеву Елену Николаевну орденом Отечественной войны второй степени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 13 сентября 1943 года

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ КОМСОМОЛЬЦЕВ-ПОДПОЛЬЩИКОВ

20 июля 1942 года город Краснодон Ворошиловградской области был оккупирован немецко-фашистскими войсками. С первого же дня оккупации гитлеровские мерзавцы начали вводить в городе свой «новый порядок». С холодной немецкой жестокостью и иступлением они убивали и истязали невинных советских людей, угоняли на каторжные работы молодежь, проводили поголовные грабежи.

Приказы немецкого командования, которыми были облеплены все заборы и стены построек, грозили смертной казнью за малейшее непослушание. За уклонение от регистрации — расстрел, за неявку на «биржу труда», ведавшую отправкой рабов в Германию, — петля, за появление в вечерние часы на улице — расстрел на месте. Жизнь стала невыносимой пыткой, город будто вымер, будто страшный мор ворвался на его широкие улицы, в его светлые дома.

В первых числах августа немцы начали еще больше зверствовать. Однажды они согнали в городской парк население и устроили публичную казнь 30 шахтеров, отказавшихся явиться на регистрацию. Оккупанты живьем зака-

пывали горняков в землю и с наслаждением смотрели на предсмертные муки невинных жертв.

В эти дни в тяжелых условиях оккупации в Краснодоне возникла подпольная комсомольская организация. Сыны и дочери прославленных донецких шахтеров, возвращенные великой родиной, воспитанные партией большевиков, поднялись на смертельную борьбу против лютого врага. Организаторами и руководителями подпольной ячейки были комсомольцы Олег Кошевой, Иван Земнухов, Сергей Тюленин, Ульяна Громова, Люба Шевцова, Иван Туркенич. Самому старшему из них едва минуло 19 лет.

Молодые патриоты, бесстрашные борцы с самозабвением отдаются священной борьбе против немцев, вовлекают в свои ряды новых членов организации: Степана Сафонова, Анатолия Попова, Николая Сумского, Володю Осмухина, Валерию Борц и многих других смелых и самоотверженных юношей и девушек.

В начале сентября на квартире Олега Кошевого состоялось первое собрание молодых подпольщиков. По предложению Сергея Тюленина организацию решили именовать «Молодая гвардия». На собрании был создан штаб в составе Олега Кошевого, Ивана Земнухова, Ивана Туркенича и Сергея Тюленина (впоследствии в штаб вошли также Любовь Шевцова и Ульяна Громова), на который возлагалось все руководство боевой и голитической деятельностью подпольщиков. Секретарем комсомольской организации собрание единогласно избрало Олега Кошевого. Он же стал и комиссаром «Молодой гвардии».

Молодые подпольщики Краснодона своими целями и задачами ставили:

укреплять в народе уверенность в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков;

поднимать молодежь и все население Краснодонщины на активную борьбу с немецкими оккупантами;

обеспечить себя оружием и в удобный момент перейти к открытой вооруженной борьбе.

После первого собрания молодогвардейцы начали действовать еще энергичнее, еще настойчивее. Они создают простейшую типографию, монтируют радиоприемники, налаживают связи с молодежью, поднимая ее на борьбу против немецких оккупантов. В сентябре подпольная организация уже насчитывала в своих рядах 30 человек. Штаб принимает решение разбить всех членов организации по пятеркам. Во главе пятерок были поставлены самые смелые и решительные товарищи. Для связи со штабом каждая пятерка имела связного.

Прошло немного времени, и «Молодая гвардия» устанавливает тесный контакт с молодежью окрестных поселков — Краснодон, Изварино, Первомайка, Семейкино. По поручению штаба члены организации Анатолий Попов, Николай Сумской, Ульяна Громова создают здесь отдельные подпольные группы, устанавливают связь с хуторами Гундоровка, Герасимовка, Таловое. Таким образом, «Молодая гвардия» распространила свое влияние на весь Краснодонский район. Несмотря на жестокий кровавый террор, руководители и активисты «Молодой гвардии» создали разветвленную сеть боевых групп и ячеек, объединявших свыше 100 молодых советских патриотов.

Каждый вступающий в члены «Молодой гвардии» принимал клятву на верность родине.

Оставшийся в живых член «Молодой гвардии» Радий Юркин так вспоминает об этом торжественном моменте:

«Под вечер мы собрались на квартире Виктора. Кроме него, дома никого не было — отец и мать уехали в деревню, чтобы достать хлеба. Олег Кошевой выстроил всех собравшихся и обратился к нам с небольшой речью. Он

говорил о боевых традициях Донбасса, о героических подвигах донбассовских полков, руководимых Климентом Ворошиловым и Александром Пархоменко, о долге и чести комсомольца. Слова его звучали негромко, но твердо и так брали за сердце, что каждый был готов идти в огонь и в воду.

— С молоком матери мы впитали любовь к свободе, к счастью, и никогда немцу не поставим нас на колени, — говорил Кошевой. — Мы будем драться, как дрались наши отцы и деды, — до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдем на муки и смерть, но с честью выполним свой долг перед отечеством.

Потом он вызывал из строя по одному для принятия клятвы. Когда Олег назвал мою фамилию, меня еще больше охватило волнение. Я сделал два шага вперед, повернулся лицом к товарищам и застыл в стойке «смирно». Кошевой вполголоса, но очень отчетливо начал читать текст клятвы. Я за ним повторял. Олег подошел ко мне, поздравил от имени штаба с принятием клятвы и сказал:

— Отныне твоя жизнь, Радий, принадлежит «Молодой гвардии», ее делу.

В нещадной борьбе против немецких оккупантов росли и закалялись ряды «Молодой гвардии». Каждый молодогвардеец считал для себя за честь вступить в комсомол и носить у сердца маленькую книжечку, отпечатанную в подпольной типографии и заменявшую комсомольский билет на время отечественной войны. В своих заявлениях юноши и девушки писали: «Прошу принять в члены ВЛКСМ. Буду честно выполнять любые задания организации, а если потребуется, то отдам и жизнь за дело народа, за дело великой партии Ленина — Сталина».

В этих скупых и простых словах, как в капле воды, отражены все благородные качества нашей молодежи.

С первого дня своего существования «Молодая гвар-

дия» проводит огромную политическую работу среди молодежи и всего населения, разоблачая лживую немецкую пропаганду, вселяя в народ уверенность в победу Красной Армии, поднимая его на борьбу с немцами, на срыв и саботаж мероприятий фашистских властей.

Молодогвардейцы, установив радиоприемники, изо дня в день информируют население города и района о всех событиях на фронте, в советском тылу, за границей.

С началом наступления советских войск в районе Сталинграда агитационная работа «Молодой гвардии» еще более усиливается. Почти ежедневно на заборах, домах, столбах появляются листовки, рассказывающие о наступлении советских войск, призывающие население к активной помощи нашим наступающим полкам.

За 6 месяцев «Молодая гвардия» только в одном городе выпустила более 30 названий листовок тиражом свыше 5 000 экземпляров.

В распространении листовок принимали участие все члены подпольной организации. При этом молодогвардейцы проявили очень много самостоятельности, хитрости и ловкости.

Олег Кошевой ночью надевал форму полицейского и распространял листовки среди населения. Вася Пирожок ухитрялся в базарные дни приклеивать на спины полицейских небольшие плакаты с краткими надписями: «Долой немецких оккупантов!», «Смерть продажным шкурам!» Семен Остапенко приклеивал листовки на машину управляющего дирекционом, на здания полиции, жандармерии и городской управы.

Сергей Тюлений «шефствовал» над кинотеатром. Он неизменно появлялся в зале перед самым началом сеанса. В тот момент, когда механик гасил свет в зале, Сергей разбрасывал листовки среди публики.

Из дома в дом, из рук в руки переходили пламенные

большевистские прокламации. Они зачитывались до дыр, их содержание в тот же день становилось достоянием всего города. Многие из листовок уходили за пределы Краснодона — в Свердловский, Ровеньковский, Новосветловский районы.

Приближалась XXV годовщина Октябрьской социалистической революции. «Молодая гвардия» решила достойно отметить всенародный советский праздник и начала активно готовиться к нему. Члены организации собирали деньги и подарки для семей командиров и бойцов Красной Армии, готовили пакеты с продовольствием для передачи заключенным коммунистам. Штаб принял решение: в день праздника вывесить в городе красные флаги.

В ночь с 6 на 7 ноября молодогвардейцы водрузили красные флаги на школе имени Ворошилова, на шахте № 1-бис, на здании бывшего райпотребсоюза, на больнице и на самом высоком дереве городского парка. Повсюду были расклеены лозунги: «Поздравляем с XXV годовщиной Октября, товарищи!», «Смерть немецким оккупантам!»

Хмурым ноябрьским утром жители города увидели на самых высоких зданиях родные сердцу красные полотнища. Казалось, ясное солнце взошло среди ночи — такой величавой и волнующей была эта картина. Люди глазам своим не верили и всматривались еще и еще раз в развевающиеся на ветру флаги.

Весть о флагах передавалась из уст в уста, из поселка в поселок, из хутора в хутор, подвигая дух населения, разжигая ненависть к немецким захватчикам.

Полицейские, жандармы, сыщики гестапо, как угорелые, метались по улицам, да было уже поздно. Флаги можно было сорвать, спрятать, но никакая сила не могла убить радостного волнения и гордости, так неотвратимо вспыхнувших в сердцах советских людей.

Доклад товарища Сталина о XXV годовщине Октября-

ской социалистической революции и его приказ от 7 ноября 1942 года вдохновили молодых подпольщиков на новые подвиги, на усиление борьбы против гитлеровцев. Каждый молодогвардеец поклялся наносить еще ощутительнее удары по врагу, до конца выполнить исторический приказ вождя. Подпольные боевые группы уничтожают штабные машины с немецкими офицерами, убивают солдат, предателей родины, полицейских, проводят диверсионные акты на предприятиях, похищают оружие.

К началу декабря молодогвардейцы имели в своем распоряжении 15 автоматов, 80 винтовок, 300 гранат, около 15 000 патронов, 10 пистолетов, 65 килограммов взрывчатых веществ, несколько сот метров бикфордова шнура.

Члены «Молодой гвардии» всячески срывали мероприятия, которые пытались проводить немцы. Когда гитлеровцы начали усиленную подготовку к вывозке хлеба в Германию, штаб принял смелое решение — не дать немцам зерна. Молодогвардейцы сжигают огромные хлебные скирды, а уже намолоченное зерно заражают клещом.

Через несколько дней после этой операции группа Тюленина совершает на дороге Краснодон — Ровеньки вооруженное нападение на немецкую охрану, которая гнала 500 голов скота, отобранного у жителей. В короткой схватке молодые патриоты уничтожили охрану, а скот угнали в степь.

Члены «Молодой гвардии», устроившиеся по заданию штаба в немецкие учреждения, предприятия, умелыми маневрами всячески срывают их планы. Сергей Левашов, работая шофером в гараже, выводит из строя одну за другой три машины; Юрий Виценовский устраивает на шахте несколько аварий.

Поистине героическую работу провела организация по срыву мобилизации молодежи в Германию.

В ночь с 5-го на 6 декабря 1942 года отважная тройка

молодогвардейцев — Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко — проводит трудную операцию по поджогу немецкой «биржи труда». Уничтожив «биржу» со всеми документами, подпольщики спасли несколько тысяч советских людей от угона на немецкую каторгу. В это же время молодогвардейцы освободили 75 бойцов и командиров из Волчанского лагеря военнопленных и организовали побег 20 военнопленных из Первомайской больницы.

Красная Армия упорно продвигалась к Донбассу. «Молодая гвардия» днем и ночью готовилась к осуществлению своей заветной мечты — решительному вооруженному нападению на краснодонский гарнизон немцев.

Командир «Молодой гвардии» Туркенич разработал подробный план захвата города, расставлял силы, собирал разведывательные материалы, но подлое предательство прервало боевую деятельность славных подпольщиков.

Как только начались аресты, штаб отдал приказ — всем членам «Молодой гвардии» уходить и пробираться к частям Красной Армии. Но было уже поздно. Только семи комсомольцам удалось уйти и остаться в живых — Ивану Туркеничу, Георгию Арутюнянцу, Валерии Борц, Радио Юркину, Оле Иванцовой, Нине Иванцовой и Михаилу Шищенко. Остальные члены «Молодой гвардии» были схвачены гитлеровцами и посажены в тюрьму.

Страшным пыткам подвергались молодые подпольщики, но никто из них не отступил от своей клятвы. Немецкие палачи доводили до бешенства, по несколько часов подряд избивали и мучили молодогвардейцев, а они молчали, гордо и мужественно перенося пытки. Немцы не смогли сломить дух и железную волю молодых советских людей, так и не добившись признаний.

Сергея Тюленина гестаповцы по несколько раз в день избивали плетью, сделанными из электрических проводов, ломали пальцы, загоняли в рану раскаленный шомпол. Ко-

гда это не помогло, палачи привели мать — 58-летнюю старушку. На глазах Сергея ее раздели и начали истязать.

Палачи требовали, чтобы он рассказал о своих связях в Каменске, Изварине. Сергей молчал. Тогда гестаповцы в присутствии матери три раза подвешивали Сергея в петле к потолку, а потом раскаленной иглой выкололи глаз.

Молодогвардейцы знали, что наступает время казни. И даже в последний час они оставались сильными духом, они были полны веры в нашу победу. Член штаба «Молодой гвардии» Ульяна Громова передала азбукой «Морзе» во все камеры:

— Последний приказ штаба... Последний приказ... нас поведут на казнь. Нас поведут по улицам города. Мы будем петь любимую песню Ильича.

Измученными, изуродованными выводили из тюрьмы молодых борцов. Ульяна Громова шла с вырезанной на спине звездой, Шура Бондарева — с отрезанными грудями. У Володи Осьмухина была отрублена кисть правой руки.

Молодогвардейцы шли в последний свой путь с высоко поднятыми головами. Торжественно и печально неслась их песня:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славную смертью почил,
В борьбе за рабочее дело
Ты голову честно сложил...

Комсомольцев-подпольщиков палачи сбрасывали живыми в шурф шахты.

В феврале 1943 года в Краснодар вошли наши войска. Над городом взвился красный флаг. И, глядя, как он полощется на ветру, жители снова вспомнили молодогвардейцев. Сотни людей направились к зданию тюрьмы. Они увидели в камерах окровавленную одежду, следы неслыханных пыток. Стены были испещрены надписями. На одной из стен не нарисовано, а почти высечено сердце,

прозвенное стрелой. В сердце — четыре фамилии: «Шура Бондарева, Нина Минаева, Уля Громова, Ангела Самошина». И над всеми надписями, во всю окровавленную стену, как завещание современникам, взывали слова мести: «Смерть немецким оккупантам!»

Так жили и боролись за свое отечество славные воспитанники комсомола. И умерли они, как истинные герои. Их смерть — это бессмертие.

Запомни, товарищ, имена замученных героев, сохрани их в сердце своем, как неугасимый призыв к подвигу во имя родины, ее свободы и счастья. Вот их имена:

Олег Васильевич Кошевой,
Иван Александрович Земнухов,
Сергей Гаврилович Тюленин,
Любовь Григорьевна, Шевцова,
Ульяна Матвеевна Громова,
Анатолий Владимирович Попов,
Николай Степанович Сумской,
Степан Степанович Сафонов,
Сергей Михайлович Левашов,
Евгений Яковлевич Мошков,
Виктор Владимирович Петров,
Александра Емельяновна Дубровина,
Анна Дмитриевна Сопова,
Майя Константиновна Пегливанова,
Геннадий Александрович Лукашев,
Владимир Андреевич Осьмухин,
Анатолий Александрович Юрлов,
Леонид Алексеевич Дадышев,
Владимир Павлович Рогозин,
Владимир Александрович Жданов,
Семен Маркович Остапенко,
Антонина Захаровна Елисеенко,
Василий Маркович Пирожок,
Александр Тарасович Шищенко,
Виктор Дмитриевич Лукьянченко,
Василий Иванович Бондарев,
Александра Ивановна Бондарева,
Антонина Михайловна Машенко,

Ангелина Тихоновна Самошина,
Анатолий Георгиевич Николаев,
Демьян Яковлевич Фомин,
Нина Петровна Минаева,
Нина Николаевна Герасимова,
Лилия Александровна Иванихина,
Лидия Макаровна Андросова,
Антонина Александровна Иванихина,
Георгий Кузьмич Щербаков,
Нина Илларионовна Старцева,
Надежда Степановна Петля,
Владимир Тихонович Куликов,
Евгения Ивановна Кийкова,
Борис Григорьевич Гловань,
Николай Дмитриевич Жуков,
Владимир Михайлович Загоруйко,
Юрий Семенович Виценовский,
Клавдия Петровна Ковалева,
Евгений Никифорович Шепелев,
Михаил Николаевич Григорьев,
Василий Прокофьевич Борисов,
Нина Георгиевна Кезикова,
Антонина Николаевна Дьяченко,
Николай Иванович Миронов,
Василий Иванович Ткачев,
Павел Федорович Палагута,
Анатолий Владимирович Лопухов,
Дмитрий Уварович Огурцов,
Виктор Федорович Субботин.

Пройдут годы. Наша великая страна залечит тяжелые раны, нанесенные немецко-фашистскими людоедами, на пепелищах и развалинах вырастут новые светлые города и села. Вырастет новое поколение людей, но никогда не забудутся имена юных бесстрашных подпольщиков из донецкого города Краснодона. Их бессмертные подвиги будут вечно гореть ярким рубином в венце нашей славы. Их жизнь, борьба и смерть будут служить для нашей молодежи примером беззаветного служения родине, великому делу партии Ленина — Сталина.

КЛЯТВА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

Беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем.

Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии». Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками ли или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОЛЕГ КОШЕВОЙ

— Мы все очень любили Олега. Какой это был чуткий товарищ, решительный, предприимчивый, настойчивый! Мы знали: если Олег сказал — значит будет сделано. Ему не было еще и семнадцати лет, а сколько книг он уже прочитал, как был он всесторонне развит: прекрасно разбирался в классической литературе, увлекался живописью, музыкой, спортом, писал стихи. В дни войны, когда немцы приближались к Краснодону, Олег вселял в нас мужество и веру в победу.

Так отзывался о своем друге и боевом товарище Валерия Борц — активный участник «Молодой гвардии».

Таким знали Олега Кошевого и все его друзья-краснодонцы.

Это был вдохновенный советский юноша, с чистой, открытой душой и пытливым умом. Он любил родину пламенной, всепоглощающей любовью. Каждый шаг немецкого сапога по русской земле отзывался в его горячем сердце жестокой болью, звал его к святой мести. И когда немцы пришли в родной его город, когда они стали истязать и убивать мирных советских людей, угонять молодежь на каторгу в Германию, Олег выразил свои мысли и

чувства в бесхитростных, кровью сердца написанных стихотворных строках:

Я решил, что жить так невозможно,—
Смотреть на муки и самому страдать.
Надо скорей, пока еще не поздно,
В тылу врага—врага уничтожать!

А своей матери он говорил:

— Видишь, что делают немцы с нашим народом? Раз можем мы дальше терпеть? Если мы будем так все сидеть, сложа руки, нас всех в цепи закуют. Надо бороться, бороться и бороться!

И страстным призывом к священной борьбе с немецкими оккупантами звучали слова Олега, когда он, собрав себя на квартире группу товарищей, таких же, как и он — пламенных молодых патриотов, раскрывал перед ними смелый, дерзкий и глубоко продуманный план создания подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия».

— С молоком матери мы впитали любовь к свободе, к счастью, и никогда немцу не поставим на колени. Мы будем драться, как дрались наши отцы — до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдем на муки и смерть, но с честью выполним наш долг перед отечеством.

Вдохновленные своим вожаком, комсомольцы Красной гвардии вступали в «Молодую гвардию» и торжественно клялись бороться до последней капли крови за освобождение родины от немецких оккупантов.

В сентябре 1942 года Олег вовлек в «Молодую гвардию» 30 юношей и девушек города, в октябре количество молодогвардейцев возросло до 70, а к декабрю подпольщики насчитывали в своих рядах уже более 100 человек.

Олег Кошевой был комиссаром «Молодой гвардии» и секретарем комсомольской организации.

В поселках Семейкино, Изварино и Первомайка, по указанию Олега, были созданы филиалы «Молодой гвардии», а в хуторах Гундоровка и Герасимовка работали выделенные им тайные агенты.

И началась борьба.

Полиция и гестаповцы сбились с ног в поисках народных мстителей, но все потуги гитлеровцев были тщетны. С каждым днем все шире и шире развивалась деятельность «Молодой гвардии».

Кошевой организовал небольшую, тщательно укрываемую типографию, смонтировал и установил четыре радиоприемника. Краснодонцы ежедневно узнавали о последних известиях из Москвы. Город наводнялся советскими листовками. Кошевой сам распространял их. Он переодевался полицейским и ночью шел в самые многолюдные места — на базар, к бирже труда, к колодцам, на центральные улицы — и оставлял там белые листки, призывавшие население к борьбе с немецкими оккупантами, рассказывавшие правду о Красной Армии, о Советской стране.

Месть молодогвардейцев была беспощадной, наводившей страх на немецких захватчиков.

В карьере одной из шахт были повешены два полицейских.

На дороге Гундоровка—Герасимовка взлетела на воздух от взрыва гранаты легковая машина с немецкими офицерами.

В ночь на 6 декабря сгорело здание биржи труда, и огонь уничтожил все списки граждан, намеченных к угону в Германию.

В степи была перебита охрана огромного стада скота, отобранного у жителей района для отправки в Германию.

В хуторах и селах загорались скирды с хлебом, украденным гитлеровцами.

Из Первомайской больницы был устроен побег 20 раненых военнопленных.

В хуторе Волчанском из концентрационного лагеря «исчезли» 75 бойцов и командиров Красной Армии.

В ночь с 6-го на 7 ноября 1942 года на многих зданиях города и на самом высоком дереве городского парка взвились красные знамена, а на стенах домов были расклеены лозунги: «Поздравляем с XXV годовщиной Октября, товарищи!», «Смерть немецким оккупантам!»

В церкви люди получали записки: «Как мы жили, так и будем жить; как мы были, так и будем под сталинским знаменем».

И во всех этих подвигах организующей и направляющей была рука Олега Кошевого.

Одновременно с боевой деятельностью Кошевой заботился и о росте комсомольских рядов, вовлекал лучшую молодежь в члены ВЛКСМ. За время подполья было принято в комсомол 36 юношей и девушек. Им выдавались на руки отпечатанные в подпольной типографии комсомольские удостоверения, действительные на время отечественной войны.

На собранные молодогвардейцами деньги Кошевой приобретал и тайно вручал подарки семьям арестованных коммунистов, создал фонд помощи семьям фронтовиков и выдавал им денежные пособия.

Подлое предательство прервало боевую деятельность отважных подпольщиков. Кошевой и его боевые товарищи были схвачены гестаповцами и посажены в тюрьму.

Страшным мукам подвергли немецкие изверги героя-комсомольца. Презрением и ненавистью отвечал он на все попытки палачей добиться признания. Непокоримая твердость Кошевого бесила гестаповцев. Они жгли его раска-

ленным железом, запускали в тело иголки, но ничто не могло сломить стойкости и воли Олега. Только после казненного «допроса» в его волосах появлялись седые пряди.

На вопрос начальника полиции, что заставило его, Кошевого, пойти в партизаны, Олег отвечал:

— Любовь к родине и ненависть к вам. Жить на колених вы нас не заставите. Лучше мы умрем стоя. Нас больше, и мы победим.

Товарищам в камере Олег внушал:

— Не показывайте виду, что нам тяжело расставаться с жизнью. Ведь эти варвары не помилуют, а мы умираем за великое дело — за родину, и родина за нас отомстит. Давайте, ребята, петь!

И первым запевал любимую песню Ильича — «Замученной тяжелой неволей...»

«Надо бороться, бороться и бороться» — эта мысль, высказанная Олегом своей матери еще в первые дни оккупации немцами Краснодона, не покидала пламенного юношу и в гестаповском застенке. С помощью товарищей Кошевой взломал тюремную решетку и пытался бежать. Жандармы его схватили, избили до полусмерти и совершенно седого, замученного, но не сломленного духом повели на казнь.

Он шел с гордо поднятой головой. Он знал, что идет умирать за народ, за свою горячо любимую родину, и принял смерть спокойно, мужественно, как подобает сыну великой сталинской гвардии.

В последний смертный час с невиданной силой раскрылся прекрасный нравственный облик этого юноши-воина — с кристально чистой душой и пламенным сердцем. Его бессмертный образ будет вдохновлять многие поколения советской молодежи на великие подвиги во имя счастья своей родины.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН ЗЕМНУХОВ

Ваня Земнухов! Кто из краснодонских комсомольцев не знал этого внешне нескладного, но всегда вдохновенного паренька — незаурядного оратора, школьного поэта, остроумного газетчика, инициативного пионервожатого! Он пользовался всеобщей любовью и авторитетом среди молодежи. Дни и ночи напролет просиживал он над книгами Пушкина, Белинского, Гоголя, Добролюбова, Горького. Знал наизусть много стихов и поэм великих классиков литературы, с большим проникновением читал их на школьных вечерах. Особенно любил он Пушкина, и сам, бравшись за перо, посвящал любимому поэту свои робкие, но юношески искренние стихотворные строки:

Его уж нет... Но, кажется, меж нами
Он, неизменный, с лирою своей,
Уносит в мир таинственной Тамары...
Попрежнему он царь души моей!

И когда в Краснодар ворвались гитлеровцы, возвышенная, благородная душа советского юноши, воспевавшего свободу и счастье народа, не могла смириться с произволом и насилием. Ваня Земнухов вместе с Олегом Кошевым и Сергеем Тюлениным создает подпольную комсомольскую организацию «Молодая гвардия». Земнухов едет в поселки Семейкино, Первомайка и там формирует группы комсомольцев-подпольщиков. Он помогает Кошевому идейно спланировать боевой отряд молодогвардейцев, составляет текст клятвы на верность родине, которую принимал каждый вступающий в «Молодую гвардию», разрабатывает шифр и пароли для участников организации, учит ребят замечать следы, сбивать с толку шпиков, проявляет исключительную находчивость в конспирации «Молодой гвардии».

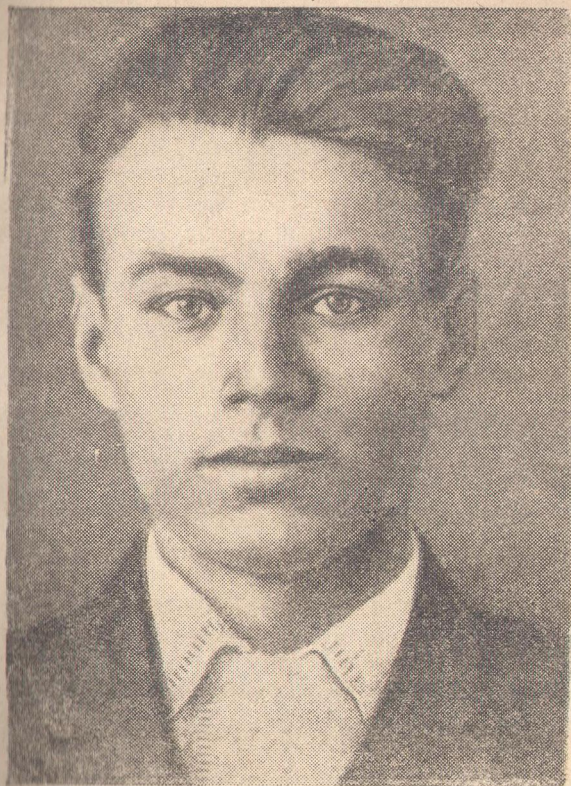
Нередко девятнадцатилетний подпольщик проникал в церковь во время службы. И когда верующие опускались на колени, они находили листовки, рассказывавшие правду о победах Красной Армии. Листовки расходились по городу, призывая население к борьбе с оккупантами, вселяя в сердца советских людей веру в победу, в скорое избавление от гитлеровской тирании.

В разрушенном здании городской бани молодогвардейцы вырыли глубокие погреба, куда складывали оружие и продовольствие, захваченное у немцев. Организатором этой базы был Ваня Земнухов.

— Жизнь подпольщика суровая, — говорил он. — Всякое может случиться, и продукты нам пригодятся.

Из продовольственных запасов молодогвардейцы выдавали голодающим шахтерским семьям сухари, сахар, пшено. Запасы подпольщиков основательно пополнились в канун Нового года, когда Земнухов с группой товарищей напал на немецкую машину, груженную новогодними посылками для немецких офицеров.

И вот рука предателя бросила Ваню Земнухова в гестаповскую тюрьму. Он стоял перед врагами крепкий и гордый духом. Его подвешивали к потолку и, когда он лишался чувств, отливали водой и вновь подвешивали. По нескольку раз в день его избивали плетью из электрических проводов, загоняли иголки под ногти, выкручивали руки и ноги. Но комсомолец-подпольщик ни единым словом не нарушил священной клятвы. Претерпевая страшные муки, он писал из тюрьмы родителям: «Обо мне не беспокойтесь. Я чувствую себя героически. С приветом. И. З.» И так, до последнего вздоха, ни на миг не угасало великое духовное мужество Вани Земнухова. И, умирая, он страстно призывал своих товарищей, приведенных вместе с ним на казнь:

— Не бойтесь смерти, ребята! Мы умираем за правое дело, за нашу победу!

Так жил, боролся и умер на боевом посту Ваня Земнухов, краснодонский комсомолец, Герой Советского Союза.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА УЛЬЯНА ГРОВОМОВА

«Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе душу. Хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить; одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего творит чудеса!..»

Эти слова Лермонтова были записаны в ученическом блокноте краснодонской комсомолки Ульяны Громовой. Всей силой своей молодой, чистой души Ульяна любила жизнь, родину. Комсомол воспитал эту волевою, смелую, самоотверженную девушку. Она очень любила книги. Уроки по литературе были ее самым увлекательным занятием. Записные книжки Ульяны испещрены заметками из книг Ленина и Сталина, Горького, Чернышевского, Чехова, Маяковского, Шевченко, Шекспира, Джека Лондона — заметками, говорящими о мужестве, храбрости и стойкости людей, о самоотверженном преодолении трудностей, о борьбе за свободу и счастье народа.

Формировавшийся годами характер девушки-патриотки проявился во всей своей полноте в дни оккупации немцами Краснодонского района. Ульяна ухаживала за тяжело больной матерью, когда Краснодон заняли гитлеровцы. Грабежи, убийства, насилия стали повседневным явлением в городе. Ульяне приходилось часто прятаться в сарае от гитлеровцев, которые шарили по квартирам, выискивая девушек, чтобы открыто глумиться над их честью.

Вскоре немцы стали устраивать облавы на девушек для насильственной отправки их в Германию. Родители Ульяны беспокоились о судьбе своей дочери и стали уговаривать ее пойти работать.

— На гадов работать не стану, — заявляла родителям Ульяна. — И никуда не поеду. Умру, но не поеду.

Тогда родители, понимая, что дочери все равно не избежать немецкой каторги, сами пошли на «биржу труда» и оформили на Ульяну трудовую карточку. Вскоре ей дали направление — чернорабочей на бывший земельный участок конторы «Заготскот».

Узнав об этом, Ульяна сначала разгневалась на родителей, а потом решила идти на участок и там среди мобилизованных на работу начать активную борьбу с немецкими оккупантами. С первого же дня она разоблачала проникших на участок предателей, бросала им в лицо гневные страстные обвинения. Вокруг Ульяны группировались краснодонские девушки-патриотки: Иванихина, Бондарева, Сажмошина и многие другие. Вечерами они собирались на квартире у Громовой, писали листовки и на другой день распространяли их на участке, вывешивали на здании городской управы, разбрасывали на улицах.

К этому времени в Краснодоне сформировалась подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия». Громова вступила в нее, была утверждена членом штаба и вовлекла в работу «Молодой гвардии» многих девушек города.

В ноябре немцы, усилив репрессии, развернули «добровольную» вербовку молодежи в Германию. Ульяна написала обращение к девушкам и юношам Краснодона, призывая их не попадаться на гитлеровскую удочку, не идти в немецкое рабство. Вербовка провалилась. Тогда немцы составили списки лиц, подлежащих насильственной отправке в Германию. Списки хранились под семью замками в

«бирже труда». Похитить списки и тем спасти сотни краснодонцев от ужасов немецкого рабства было невозможно. Штаб молодогвардейцев, по предложению Олега Кошевого и Ульяны Громовой, вынес решение: сжечь «биржу труда». Ульяна приняла активное участие в разработке плана поджога. Диверсия была настолько хорошо продумана, что дала самые блестящие результаты: здание вспыхнуло сразу со всех сторон, потушить пожар немцы не смогли, и огонь уничтожил списки всех предназначенных к отправке на каторгу.

Квартира Ульяны была базой, где хранились собранные Громовой медикаменты. Ульяна сложила здесь большое количество перевязочных пакетов, флаконов с иодом, бинтов, ваты. Все это предназначалось молодогвардейцами для переотправки частям Красной Армии.

По инициативе Ульяны штаб «Молодой гвардии» устраивал на работу в различные немецкие учреждения девушек, которые, по заданию штаба, похищали там ценные документы, совершали вредительские акты.

В январе 1943 года, когда подпольная организация с помощью предателей была раскрыта полицией, Ульяна попала в руки озверевших врагов. Немцы были поражены стойкостью этой восемнадцатилетней высокой, стройной девушки с вьющимися волосами, с черными, пронизывающими глазами. Как только не пытало ее немецкое зверье! Ульяну подвешивали за волосы, вырезали на спине пятиконечную звезду, жгли каленым железом, посыпали раны солью, сажали на раскаленную плиту. Через все пытки прошла дочь ленинско-сталинского комсомола Ульяна Громова и не сдалась палачам, не выдала ни одного своего соратника.

Обессиленная, в кровоподтеках возвращалась Ульяна в камеру после каждой пытки. Но в глазах ее попрежнему горел огонь ненависти, светилась твердая решимость

бороться до конца. Как-то раз сидевшие с Ульяной в одной камере девушки попросили ее прочесть «Демона».

— С удовольствием! — сказала она. — Я «Демона» люблю. Какое это замечательное произведение. Подумайте только: он восстал против самого бога!

И она с большим чувством читала волнующие строки «Демона».

Ульяна до последней секунды своей жизни не теряла бодрости духа. Когда она узнала, что наступает время казни, то при помощи шифра «Молодой гвардии» выстукивала через стены камеры своим друзьям: «Последний приказ штаба... Последний приказ... нас поведут на казнь. Нас поведут по улицам города. Мы будем петь любимую песню Ильича...»

На стене камеры Ульяна нацарапала ржавым гвоздем: «Прощайте, папа. Прощайте, мама. Прощайте, вся моя родня. Прощай, мой брат любимый Еля. Больше не увидишь ты меня... Я погибаю... Крепче за родину стой...»

А когда Ульяну и других девушек-молодогвардейцев палачи сталкивали в шурф шахты, Ульяна, только что перенесшая предсмертную пытку, крикнула:

— Девушки! Не робейте, не бойтесь смерти! С нами Ленин и Сталин! Умрем за родину! Смерть гадам!

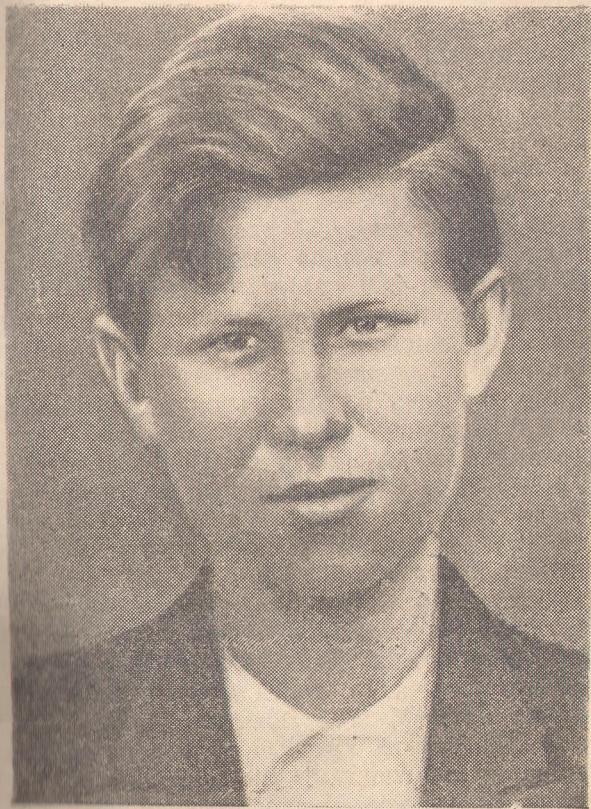
Это были последние слова героической дочери советского народа Ульяны Громовой.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРГЕЙ ТЮЛЕНИН

«Родился в 1925 году в семье рабочего. Член ВЛКСМ с 1942 года».

Так сказано о Сергее Тюленине в анкете.

«Один из храбрейших подпольщиков, начальник штаба

«Молодой гвардии», участник почти всех вооруженных операций юных мстителей».

Так будет записано о Сергее Тюленине на страница истории.

Вместе с Олегом Кошевым и Иваном Земнуховым — комсомольцами города Краснодона — он в начале августа 1942 года создал подпольную комсомольскую организацию в тылу у немцев. Это он предложил назвать ее «Молодой гвардией», вовлекал в ее ряды боевую, отважную молодежь города и района.

С первых же дней боевой работы «Молодой гвардии» Тюленин возглавил группу, работавшую по сбору оружия и боеприпасов. За три месяца эта группа добыла 15 автоматов, 80 винтовок, 300 гранат, около 15 000 патронов, 10 пистолетов и 65 килограммов взрывчатых веществ.

Маленький, подвижной, стремительный юноша-подросток, вспыльчивый, задорный и до отчаянности смелый Сергей быстро завоевал в подпольной организации славу бесстрашного боевика, инициативного мстителя.

С листовками в кармане он появлялся в кинотеатре перед началом сеанса и в момент, когда механик выключал свет в зале, разбрасывал листовки в проходах, клал их на колени зрителям и всегда успешно ускользал из рук взбудораженной полиции.

Часто краснодонцы читали короткие — из пяти-шести слов — листовки, наклеенные на спины расхаживавших по городскому рынку гитлеровских полицейских. Это тоже было делом рук Сергея Тюленина и его боевых друзей.

В немецком клубе Сергей похитил фашистское знамя, понаделал из полотнища красные флаги и с надписью «Смерть немецким оккупантам!» вывесил их в XXV годовщину Октября на школе имени Ворошилова, на шахте № 1-бис. Советские люди смотрели на эти флаги и скрывали слезы радости говорили друг другу:

— Это сделано для нас, советских людей. О нас по-
мнит, мы нашими не забыты.

Темной декабрьской ночью Сергей вместе с молодо-
гвардейцами Любой Шевцовой и Виктором Лукьянченко
одирался к зданию «биржи труда», которую краснодонцы
называли гнездом рабства, и зажег его. В огне сгорели
писки, подготовленные немецкими рабовладельцами. Ты-
сячи советских людей благодаря этому избавились от не-
мецкой каторги.

Сергей вместе с Кошевым организует из молодогвар-
дейцев партизанский отряд «Молот» для вооруженной
борьбы с оккупантами. Юные народные мстители забрасы-
вают гранатами вражеские машины, истребляют немецких
солдат и офицеров.

Когда начались аресты молодогвардейцев, выданных
предателем, Сергей успел оповестить десять товарищей о
грозившей опасности и, убежав из дому, перешел линию
фронта и присоединился к частям Красной Армии.

В бою за город Каменск Сергея тяжело ранило. Он по-
пал в плен, но на второй день бежал. Обессиленный, с кро-
вооточающей раной, Тюленин пришел в Краснодон и укрылся
на квартире сестры. Но на его след вскоре напали геста-
повцы, и Сергей был брошен в застенок.

Страшным пыткам подвергли юного героя озверелые
залачи. По три раза в день его избивали плетью, ломали
ему пальцы в щелях железных дверей, загоняли в свежую
рану раскаленный шомпол. Сергей боролся стойко, муже-
ственно. Много раз он терял сознание, а когда приходил
к себе, то спокойным голосом, приводившим немцев в бе-
звешество, говорил:

— Ну, чего вы ко мне пристааете? Ей-богу, я вам ниче-
го не скажу...

Тогда гестаповцы решили применить «психическую»

пытку. Они привели в камеру мать Сергея и начали при нем истязать старуху.

Сергей молчал.

Тогда палачи испробовали другой «метод»: в присутствии матери они три раза подвешивали Сергея в петле к потолку, раскаленной иглой выкололи ему глаз.

Сергей молчал. Молчала и старуха-мать. Даже стоны не слышали палачи.

И таким, не побежденным, гордым, шел Сергей к месту мучительной казни.

31 января 1943 года немцы швырнули полуживого юношу-воина в шурф шахты и вслед за ним сбросили туда тяжелую железную вагонетку...

Так погиб за родину героический сын ленинско-сталинского комсомола Сережа Тюленин.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЮБОВЬ ШЕВЦОВА

В один из июльских дней 1942 года в Краснодар пришла из Ворошиловграда хрупкая семнадцатилетняя девушка Люба Шевцова. Она училась в Ворошиловграде на курсах радисток и, когда немцы захватили город, убежала в Краснодар к матери. Здесь она увидела картины дикой расправы гитлеровцев над мирными жителями. Террором, насилием, провокациями немцы хотели морально разрушить краснодонцев, превратить их в молчаливых, покорных рабов. Рабская участь выпадала и на долю Любы Шевцовой.

Но Люба не склонила головы перед захватчиками. Смело вступила она на путь активной борьбы с врагами своей родины. Страстная ненависть к немцам привела Любу в ряды «Молодой гвардии», сделала ее одним из боевых помощников Олега Кошевого.

— Партизанская работа не легка, — предупреждал Олег. — Партизан убьет одного немца, другого, убьет сто, а сто первый может убить его. Партизан никогда не ставит свою жизнь выше интересов родины.

— Я знаю, куда иду и на что иду! — твердо отвечала Люба.

И с первых же дней активной деятельности «Молодой гвардии» она отдает все силы борьбе с врагом. Люба неутомимо и бесстрашно выполняет обязанности разведчика, связывает молодогвардейцев с партизанскими отрядами, с подпольщиками Ворошиловграда. Смелая и находчивая, она одевается в лучшие платья, выдает себя за «ненавистницу» советской власти и дочь крупного промышленника и входит в доверие к немецким оккупантам. Она разъезжает в машинах с немецкими офицерами, похищает у них важные военные документы. Пользуясь высоким покровительством, Люба долго не навлекает на себя никаких подозрений гестаповцев и действует у них под носом решительно, дерзко и всегда удачно.

Каждое задание штаба Люба выполняет с огромным рвением. Она водружает красные флаги на бывшем здании райпотребсоюза, на трубе шахты № 7—10; пишет и вывешивает на стенах плакаты: «Да здравствует Сталинская Конституция!», «Смерть немецким оккупантам!» и рядом — охраняющее объявление: «Опасно. Заминировано». Ночью пробирается в здание почты, похищает не проверенные еще цензурой письма жителей Краснодона, насильно угнанных в Германию, и на другой день распространяет эти письма по городу, как листовки. Вместе с другими молодогвардейцами Люба Шевцова поджигает здание немецкой «биржи труда».

По заданию штаба она едет для разведки в города Серго и Каменск и по пути — на железнодорожных стан-

циях и в вагонах — разбрасывает листовки «Молодой гвардии».

Под Новый год Любу арестовали. Когда гестаповцы узнали в ней «дочь крупного промышленника», они с особой лютостью набросились на Любу. Палачи избивали ее до потери сознания, несколько раз подвешивали к потолку, требуя сведений об организации. Но Люба не проронила ни слова признания и сама, преодолевая нестерпимые муки, издевалась над немцами, смеялась им в лицо. Как-то раз, во время пытки, услышав шум советского самолета, она предостерегающе сказала палачам:

— Слышите? Это наши голос подают...

Не добившись от девушки-партизанки никаких сведений, немцы отправили ее в Ровеньки, в уездное жандармское отделение, к специалистам по утонченным пыткам. Жандармы прикладывали раскаленное железо к телу Любы, вырезали ей на спине звезду. Но и эти муки не поколебали великой стойкости духа славной патриотки. Она вынесла все пытки, но не назвала имен своих товарищей по борьбе.

— Сколько бы вы меня ни пытали, но узнать от меня ничего вам не удастся, — спокойно говорила она палачам.

Измученную, окровавленную Любу бросали после допросов в тюремную камеру. Приходя в себя, она назло палачам пела песни.

Больше месяца немцы истязали Любу Шевцову и не в силах сломить ее волю объявили ей о предстоящей наутро казни. На стене камеры Люба черным карандашом вывела прощальные слова привет.

За несколько часов до расстрела она написала записку матери:

«Прощай, дорогая мама. Твоя дочь Люба уходит в сырую землю».

И ничто: ни смертные муки, ни страх близкой смер-

ти не смутили духа, не надломили воли верной дочери родины.

Обращаясь к сидевшим вместе с нею советским людям, она говорила:

— Любке не страшно умереть. Любка сумеет умереть честно.

Так и умерла Люба, непобежденная и гордая сознанием выполненного долга.

БОЕВОЙ КОМАНДИР ИВАН ТУРКЕНИЧ

Он вступил в подпольную комсомольскую организацию «Молодая гвардия» на правах старшего товарища и на первом же собрании был избран членом штаба.

Комсомольцы Краснодона хорошо знали Ваню Туркенича еще по школьным годам. Он стал комсомольцем в 1940 году, отличался дисциплинированностью, поручения комсомольской организации выполнял настойчиво, аккуратно.

Авторитет Вани среди молодежи вырос еще больше, когда краснодонцы узнали, что он досрочно окончил севастопольское зенитное училище и отважно сражается с немецкими захватчиками.

И вот, когда в тяжелых летних боях 1942 года Туркенич, попав в окружение, после нескольких неудачных попыток перейти линию фронта, оказался в Краснодоне, друзья с большой радостью приняли его в «Молодую гвардию». Так он стал боевым командиром подпольной комсомольской организации.

Вместе с Олегом Кошевым он организует филиалы «Молодой гвардии» в ближайших к Краснодону поселках, вовлекает в подпольную работу молодежь района и тща-

тельно разрабатывает планы вооруженной борьбы с оккупантами.

В ноябре группа молодогвардейцев, руководимая Туркеничем, обстреляла и забросала гранатами немецкую легковую машину. Три гитлеровских офицера были убиты. С тех пор не раз группа Туркенича организовывала внезапные нападения на врагов. Молодые народные мстители истребили 25 вражеских солдат и офицеров. Особенно удачным было нападение на немецких солдат, угонявших в Германию 500 голов скота, отобранного у местных жителей. Молодогвардейцы перебили всю охрану, а скот угнали в степь.

Изобретательный и смелый воин, Туркенич постоянно искал и находил все новые и новые приемы борьбы с оккупантами. На станции Изварино группа Туркенича заразила клещом несколько складов с зерном, приготовленным для отправки в немецкий тыл; в ближайших к Краснодону селах и хуторах она сжигала хлебные скирды, захваченные немцами; в хуторе Волчанском освободила из концентрационного лагеря 75 бойцов и командиров Красной Армии, устроила побег 20 раненых красноармейцев из Первомайской больницы.

Когда гитлеровцы раскрыли подпольную комсомольскую организацию, Туркенич, обманув полицейских, бежал из города, после нескольких неудачных попыток перешел линию фронта и в рядах советских гвардейцев стал сражаться с немцами.

Вступив со своей частью в Краснодар, Туркенич пришел на братскую могилу молодогвардейцев и дал священную клятву:

— Я не сниму этой солдатской шинели до тех пор, пока последний клочок нашей земли не будет освобожден от проклятого зверья, пока последний немец, вступивший на нашу землю, не будет уничтожен.

Прочти и передай товарищу

Товарищи Краснодонцы!

Долгожданный час нашего освобождения от ярма гитлеровских бандитов приближается.

Войска Юго-Западного фронта линия обороны прорвана.

Наши части 25 ноября, взяв станицу Морозовскую продвинулись вперед на 45 км. Движение наших войск на запад стремительно продолжается.

Немцы в панике бегут, бросая оружие. Враг отступает, грабит население, забирая продовольствие и одежду.

Товарищи! Трясите все что можно, дабы не досталось оно гитлеровским грабителям.

Соблюдайте приказы немецкого командования, не поддавайтесь ложной немецкой агитации.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша освободительница Красная Армия!

Да здравствует Свободная Советская Родина!

РАССКАЗ МАТЕРИ

Последний раз я видела своего Олега 11 января — измученного, больного, обмороженного. Домой он притти не мог — там ждали его немецкие жандармы. Он пошел к соседке. Мне сказали об этом, и я побежала к Олегу. Надо было его куда-то прятать. Я решила отправить сына в соседнее село. Нарядила его девочкой и пошла с ним. Больно мне было смотреть на Олега. Чуяло материнское сердце: быть беде. Не выдержала, расплакалась:

— Увижу ли тебя, сынок?

А он утешает:

— Не плачь, мама. Жив останусь. Себя береги. А меня немцы не поймают. Скоро наши придут, недалеко уже... Заживем, мама, да еще как!

И верно, скоро пришли наши. Только сынку моему не довелось дожить до светлого дня. Не уберегся мой мальчик. Убили изверги моего Олега...

...Что только сделали с ним немецкие палачи! Когда раскопали яму, я сразу узнала его. На нем осталась одна только рубашка, та самая, которую я надевала на него своими руками. На щеке рана, один глаз выколот, голова разбита. А виски белые-белые, как мелом посыпаны. Какие же муки принял он в смертный свой час! Чем расплатятся немецкие убийцы за седины моего Олега?..

При жизни он часто любил говорить:

— Чем жить на коленях, лучше умереть стоя.

И слову своему он не изменил; на колени перед немцем ни разу не становился, умер стоя.

Люди, которые вместе с ним сидели в тюрьме, рассказывают, что он не боялся ни пыток, ни самой смерти. Начальник полиции спросил его:

— Почему не покоряешься немцам? Зачем пошел в противонемецкую организацию?

— Затем, — ответил Олег, — что люблю свою родину и не хочу жить на коленях. Лучше смерть, чем немецкое рабство.

Смертным боем били его немцы за гордые эти слова, а он не сдавался, стоял на своем. В жандармерии, говорят, он старался быть веселым, все время пел, подбадривал ребят:

— Хоть и умрем, так знаем за что!

* * *

Ему было всего шестнадцать лет. Он мечтал стать инженером. Очень любил литературу, много читал, сочинял стихи. Увлекался шахматами, спортом. Очень хорошо танцевал, обожал музыку. Но любовь к книгам у Олега была особенной, безграничной. Библиотеку Вали Борц он перечитал всю, до единой книги. Он очень хотел научиться играть на рояле и даже в дни оккупации не давал покоя Вале Борц, требуя, чтобы она с ним занималась.

Рослый, широкоплечий, он выглядел старше своих лет. Его все находили красивым. У него были большие карие глаза, длинные ресницы, ровные широкие брови, высокий лоб, русые волосы. Олег никогда не болел. Он был на редкость здоровым мальчиком.

В школу Олег поступил семи лет. Учился очень хорошо, с большой охотой; по всем предметам у него были отличные оценки.

До 1940 года мы жили в Киевской области, а после смерти мужа переехали с Олегом в Краснодар, Ворошиловградской области, к моему брату. Здесь Олег приобрел много друзей, здесь же он вступил и в комсомол.

Закончить среднюю школу Олег не успел. Он перешел в десятый класс, когда началась война.

В июле 1942 года фронт приблизился к Краснодону. Олег и мой брат пытались уехать на восток, но сумели добраться только до Новочеркасска и там попали в окружение. Дороги были отрезаны. Пришлось им возвращаться обратно, в Краснодар. Здесь уже были немцы. Во-всю свирепствовал немецкий «новый порядок»: расстрелы, массовые аресты, порки.

Олег по возвращении сильно изменился: стал молчаливым, скрытным, часто уходил из дому или приводил к себе товарищей, и они по несколько часов, запершись, сидели в комнате. Долго я не могла понять, в чем дело. Как-то раз, случайно вернувшись домой не в урочный час, застала у себя нескольких ребят. Они что-то писали и, увидев меня, торопливо спрятали бумагу. Я попросила сказать, чем они занимаются. Ребята отмалчивались. Я настаивала. Тогда Олег заявил:

— Мы пишем листовки.

А товарищей он успокоил:

— Не бойтесь, мама нас не выдаст.

Я заинтересовалась:

— Что же вы будете делать с листовками?

— Пойдем в театр и будем их там распространять.

Я попросила показать листовку. Олег немедленно протянул мне исписанный лист бумаги. Там было сказано, чтобы родители прятали своих сыновей и дочерей и не давали угонять их в Германию.

Что мне оставалось делать? Запретить? Этого я сделать не могла и не хотела. Да они бы и не послушались. Я только предупредила их, чтобы они были осторожнее.

Вскоре ребята ушли. А я весь вечер места себе не находила, всю ночь глаз не сомкнула — боялась и за сына, и за его товарищей. Ночевать Олег не пришел. А на другой день явился сияющий:

— Поздравь, мама. Все до одной листовки распространили, а две штуки даже вложили полицейским в карманы.

Так начинала свою работу подпольная краснодонская организация «Молодая гвардия».

Законы подполья требуют конспирации. Олег получил конспиративную кличку «Кашук». Серьезная, смертельная борьба переплеталась с юношеской романтикой. От своего милого Кашука я узнавала о дальнейших шагах организации и оказывала сыну посильную помощь. Совершенно незаметно для себя самой я втянулась в деятельность организации. Ребята не только перестали опасаться меня, но иногда даже давали отдельные поручения, главным образом сторожевого и разведывательного характера.

С первых чисел сентября мы каждый вечер слушали по радио у себя на квартире сводки Советского Информбюро. Ребята разузнали, что у одного местного жителя, инженера, сохранился радиоприемник. Олег отправился к инженеру и, не таясь, сказал, что хочет слушать Москву и просит дать ему приемник. Инженер отнесся к просьбе Олега сочувственно и передал ему приемник.

Но возникли трудности с электроосвещением. Немецкое командование, организовав небольшую электростанцию, давало свет только в те квартиры, где стояли немцы. Тогда ребята ночью установили два шеста и по ним провели провод в нашу квартиру. Приемник заработал.

Сперва Олег слушал радиопередачи сам, записывал сводки Информбюро и относил их товарищам, а те уже переписывали и распространяли по городу. Когда включался приемник, окно мы плотно закрывали, а после приема разбирали аппарат, складывали в корзину и уносили в подвал. Немцы так и не дознались, откуда население города узнаёт о действительном положении вещей на фронте. Полицейские ищейки обнаружить радиостанцию не смогли.

Рано утром 7 ноября, в XXV годовщину Октябрьской революции, Олег, красный от волнения, пришел ко мне и сказал:

— Ты пойди посмотри, что в городе делается.

Я вышла на улицу и ахнула. Над несколькими, наиболее крупными домами развевались красные советские флаги. Народ высыпал на улицы и с восхищением рассматривал неизвестно откуда появившиеся флаги.

Я не на шутку испугалась.

— Олег, — спросила я, — это твоя работа?

Он засмеялся:

— Нет, мама, это не я.

— А кто же?

— Да вот есть такие ребята, которые вывесили, — уклончиво ответил он.

Флаги висели на шахтах №№ 12, 7—10, 2-бис, 1-бис, на школе имени Ворошилова, на немецком дирекционе и на других зданиях. Началось настоящее паломничество к флагам. Полицейские метались по городу, разгоняя зрителей. Говорят, что у флагов были сделаны надписи: «Заминировано». Видимо, поэтому немцы не решались их снять. Флаги висели целый день и лишь к ночи исчезли.

...Вечером моя мать вышла за чем-то во двор, но через минуту вбежала в дом с криком:

— Пожар!

Мы с Олегом вышли на улицу. Зарево пожара охватило полнеба. Мать догадалась:

— Пожар на Садовой. Не «биржа» ли, часом, горит?

Олег хитро усмехнулся:

— Точно, бабушка, угадали, это «биржа» горит, а управа еще не горит... А ей тоже гореть полагается...

С этими словами он оделся и ушел.

Мне ясно стало, чьих рук это дело. Без Олега и его друзей тут не обошлось.

Как после я узнала, здание биржи сгорело дотла, и там погибли списки людей, предназначенных к отправке на работы в Германию.

И на этот раз немцы не нашли виновников.

Несколько дней спустя Олег пришел ко мне какой-то особенно возбужденный и торжественно объявил:

— Поздравь меня, мамочка. Я принял присягу и дал клятву, что буду до последнего дыхания бороться с немцами. У нас есть своя организация...

Молодогвардейцы росли численно и качественно. Еще недавние школьники сегодня были уже настоящими подпольщиками, которые выработали свою тактику, имели определенную боевую задачу. Постепенно Олег и его товарищи превращали свою организацию из чисто агитационной в организацию вооруженного сопротивления немцам. В склад «Молодой гвардии» стали поступать винтовки и гранаты, добытые у немцев. С этих пор дороги для гитлеровских машин стали небезопасны.

Забеспокоились немецкие коменданты. Они увеличили штат полиции. Молодогвардейцы преследовали немцев днем и ночью. Это они, молодогвардейцы, портили телефонную и телеграфную связь. Это они, когда немцы пытались вывезти из Краснодона хлеб, сожгли шесть стогов хлеба и четыре стога сена. Это молодогвардейцы отбили 500 голов скота, который немцы приготовили для отправки в Германию, а также перебили солдат, сопровождавших скот.

Однажды друг Олега Сергей Тюленин притащил к нам домой большое фашистское знамя.

Олег попросил меня спрятать знамя и сказал:

— Девушки спорют свастику и вышьют на этом месте

серп и молот. Мы будем с этим знаменем встречать Красную Армию.

Я взяла флаг и набила его гвоздиками под столом так, чтобы не было видно.

К великому нашему горю, затея не была осуществлена. К моменту прихода Красной Армии большинства членов «Молодой гвардии» уже не было в живых...

* * *

Как-то утром, в октябре, пришел Сережа Тюленин и говорит:

— Мы с Олегом пойдем собирать терн на целый день, не беспокойтесь.

Вернулся Олег только к вечеру с пустыми руками.

— А где терн? — спросила я.

Он замялся и сказал, что терна нигде нет.

Через несколько дней я узнала от Сергея, что это был за «сбор терна». Оказывается, Олег и Сергей в этот день сожгли много складов сена и порезали много проводов.

Я опять предупредила их: резать — режьте, но смотрите в оба, не попадитесь.

Еще был случай, тоже в октябре. Олег ушел из дома утром. Потом Сергей принес записку, в которой Олег писал, что ночевать домой не придет, и просил не беспокоиться. На другой день утром Олег явился очень усталый, сказал, что они ходили за Извенино выполнять задание: сожгли два склада хлеба.

У молодогвардейцев были особые временные удостоверения, которые выдавались ребятам, вступающим в комсомол. Была у них и своя типография. У Любы Шевцовой имелась рация. Говорили, что она держала по ней связь с ворoshiловградскими и ростовскими партизанскими отрядами.

Зашли к нам один раз несколько немецких офицеров. А брат мой немного понимал по-немецки, да и Олег тоже. Им удалось подслушать разговор немцев. Гитлеровцы собирались выставить пушечные и танковые макеты, чтобы отвлечь внимание русских и тем временем главными силами взять в кольцо наступающие части Красной Армии. Олег, как услышал об этом, сейчас же пошел в свой штаб, и уже оттуда по дистанциям было сообщено нашим войскам о замысле немцев. Олег мне потом говорил, что этим предупреждением они здорово помогли Красной Армии.

Смертельно опасной была работа молодогвардейцев. Чуть что не так, малейший промах, оплошность, случайность — и все могло пойти прахом. А расплата известная: смерть.

Вот как-то Сергей Тюленин получил задание принести патроны и гранаты. Нагрузил он две кошелки боеприпасами и пошел. И вдруг напоролся на полицию. Повели парня в комендатуру.

Повезло на этот раз Сереже. Чудом повезло. Ночь держали в комендатуре, а наутро оштрафовали на 50 рублей и выгнали вон. А на корзины внимания не обратили. Наверно, решили, что мальчик совсем маленький — какая от него опасность!

А вот другой случай. Олег, Оля и Нина Иванцовы, Сергей Тюленин и другие устроили у нас на квартире сожительство. Я вожусь по хозяйству в первой, проходной комнате, а они сидят в другой. Вдруг стук в дверь. Я выглянула в окошко, вижу — полицейские. Быстро заперла на ключ дверь второй комнаты, ключ спрятала и впустила полицейских.

— Чем занимаетесь? — спросил старший полицейский.

— Ничем. Только печь.

— Мы поставим к вам на квартиру румын.

Один из полицейских подходит к запертой комнате и говорит:

— Откройте дверь.

Я так и обмерла. Ну, думаю, все пропало. Стараюсь взять себя в руки и говорю:

— Здесь живет еще одна женщина. Она ушла и скоро придет. А ключ взяла с собой. Пусть,— говорю,— румыны занимают мою комнату, а я с соседкой буду жить.

Полицейские потоптались и ушли. Только они за порог, я бросилась к ребятам:

— Слышали?

Они отвечают, что все слышали, но что еще минут двадцать им необходимо посоветоваться.

Прошло полчаса, а ребята и не думают расходиться. Явились уже и новые постояльцы — румыны — в сопровождении полицейских, но ребята так увлеклись, что и не слышат, продолжают громко разговаривать.

Вижу я, что дело плохо, и чуть не кричу, обращаюсь к полицейскому:

— Господин полицейский! Где бы соломы достать, постелить румынам?

К счастью, ребята услышали мой громкий голос, поняли, в чем дело, и сразу притихли. Все обошлось благополучно.

* * *

1 января 1943 года начались массовые аресты молодежи. Каждую минуту могли притти и за Олегом. Оставаться в городе больше нельзя было. Пять человек, и Олег в том числе, решили уходить и пробиваться к частям Красной Армии.

Я сказала Олегу:

— Не бери с собой комсомольский билет, давай я его спрячу, здесь он будет цел, а когда придешь, я тебе отдам.

Олег ответил мне:

— Ты знаешь, мама, я всегда тебя слушал, всегда ты мне хорошие советы давала. Но сейчас не послушаю и комсомольского билета не отдам. Какой же я буду комсомолец, если билет свой дома оставлю?

Тогда я зашила комсомольский билет в пиджак и еще нитками переплела, чтобы не выпал. Несколько бланков комсомольских удостоверений Олег сам зашил в пальто.

...Отправились ребята. Десять дней скитались они, стремились перейти линию фронта, а на одиннадцатый день пришли обратно. Нигде им не удалось пробиться.

* * *

11 января... День, когда я последний раз видела моего мальчика. Он едва передвигал ноги. А надо было идти дальше, спастись от палачей.

— Бабушка, — попросил он, — принеси мой наган. Он спрятан в сарае, за доской...

Бабушка принесла наган.

Мы не хотели, чтобы Олег брал его с собой. Я сказала ему:

— Если бы хоть пули были, а то одна единственная. Зачем брать-то его?

— Бывают, мама, случаи, — ответил Олег, — когда и одна пулька необходима. Может, на офицера нападу, убью или в крайнем случае, чем сдаваться палачам, сам себя застрелю.

Задержали Олега в Боковке и привели в Ровеньки. Когда я пришла туда, то оставшиеся в живых поведали мне о судьбе Олега. Они не знали фамилии моего сына, но

по приметам это был он. Рассказали, что арестован мальчик, у которого нашли наган без пуль и зашитый в пиджаке комсомольский билет.

Из полиции Олега сразу же отправили в жандармерию.

Нет, не описать мне словами всех пыток, перенесенных Олегом и его товарищами. Палачи выжигали на их телах номера комсомольских билетов, загоняли им иглы под ногти, прижигали пятки раскаленным железом, выкалывали глаза, подвешивали за ноги к потолку и держали до тех пор, пока кровь начинала литься изо рта. Немцы ломали молодогвардейцам руки и ноги, проламывали груди прикладами автоматов, били в две плети, наносили по сто ударов сразу. Кровью молодогвардейцев окрасились стены тюрьмы, и палачи заставляли юных патриотов слизывать эту кровь языком.

Сердце останавливается, когда я вспоминаю о том, что сделали убийцы с моим сыном и с десятками таких же юных краснодонцев. Пусть же прокляты будут немцы! Пусть над ними витает призрак страшных казней. Пусть их всех постигнет неминуемая смерть!

Елена Кошечкина

ПАМЯТИ БРАТА

25 января 1943 года, под вечер, я возвратилась домой от соседей. Подхожу к дому, а дверь закрыта. Выходит маленький сынишка и взволнованным голосом спрашивает:

— Кто там?

— Это я, Коля!

— Ты одна, мама?

— Одна.

Только я вошла, он радостным шопотом сообщил:

— Мамочка! Сергей пришел!

Я так и обомлела. Вбегаю в комнату. Сидит Сергей, за ружью держится.

— Что с тобой, Сереженька?

— Так, пустяки, ранили немного.

Потом он мне рассказал:

— Когда мы с сестрами, Надей и Дашей, 15 января перешли линию фронта, я пошел в разведуправление. Там меня проверили и по моей настойчивой просьбе направили в воинскую часть, которая в то время наступала на город Каменск. Девять дней я работал в разведке этой части. 24 января завязался ожесточенный бой на подступах к Каменску. Меня и еще нескольких товарищей направили разведать огневые точки противника. Операция была неудачной. Нас окружили. Многих убили, а меня ранили. Я кое-как вырвался. Только к своим идти было нельзя, и я пошел по направлению к городу. Так как я был в штатской одежде, то на меня особенного внимания не обращали.

Иду и вижу — на повороте стоят немцы. Быстро за-скакиваю в хату. Там никого. Хватаю какое-то ведро и спокойно выхожу на улицу. Немцы, которые стояли на повороте улицы, заставили меня носить им воду на кухню. Очевидно, приняли меня за местного жителя. Рана страшно болела, рукав пропитался кровью, заledenел. Но я терпел. А потом к вечеру вышел из города и вот пришел к вам...

Он стал просить меня, чтобы я его отвела домой.

— У тебя дети. Найдут здесь меня, расстреляют вместе со мною и вас.

Я переодела его в женское платье, укутала большим теплым платком и на второй день отвела домой. Побыл он дома всего лишь сутки, и предатели выдали его.

Что я знаю о деятельности «Молодой гвардии»?

Первую листовку я нашла под дверями в декабре или ноябре 1942 года. После этого еще раза четыре находила

листовки, написанные от руки. В них сообщалось о наступлении Красной Армии под Сталинградом, Воронежем.

В январе, — не помню, какого числа, знаю, что был канун крещения — пошла я в церковь, решила помянуть моих умерших родственников. Написала их имена, завернула в картоночку и передала священнику. Помянул он родственников моих, а после дьячок картонки нам возвратил. Развернула я свою картонку — гляжу, а в ней, кроме моей записки, другая лежит. Читаю: «Как мы жили, так и будем жить. Как мы были, так и будем под сталинским знаменем».

М. Тюленина

В КАМЕРЕ

(Воспоминания матери)

Утром 1 января 1943 года к нам на квартиру зашел Сергей Тюленин и сообщил, что в городе начались аресты членов «Молодой гвардии».

Я сильно встревожилась. Валерии дома не было. Я пересмотрела все ее книги, вещи, документы. Отложила, чтобы уничтожить или получше припрятать все то, что могло вызвать подозрение или послужить уликой.

Вскоре пришел еще один молодогвардеец — Остапенко, здоровый, красивый, черноволосый юноша. Обычное спокойствие его покинуло. Он волновался, и яркий румянец выступил у него на щеках. Остапенко сказал, что Валерия в безопасности, и попросил отдать ему тексты листовок, бланки комсомольских билетов, плакаты, гранаты, аммонал. Я все передала ему. Он ушел, и я вслед за ним вышла на крыльцо. Ночь была темная-темная... Слышу вблизи тихий, едва уловимый шорох. Стала всматриваться и заметила в углу двора силуэты. Раздался протяжный

свист: Так свистела только моя дочь, и я уверенно пошла через двор.

Это были Валерия и Сергей Тюленин. Они сообщили мне о своем намерении перейти фронт. Я одобрила их решение и просила их быть как можно осторожнее.

Темнота все сгущалась. Мы стояли в углу двора, тесно прижавшись друг к другу, отдавая минуту расставанья. Наконец я тихо сказала ребятам: «Пора уходить!» Простилась с Валерией. Сергей также обнял и поцеловал меня. Мне показалось, будто отрывают от меня кусок живого тела; сердце заныло сильнее, к горлу подкатил комок. Но я не плакала: мне не хотелось их расстраивать.

В это время слышались отдаленные шаги. Я еще раз попрощалась, поспешила в квартиру и закрыла за собою дверь.

Вскоре раздался стук.

— Откройте! Полиция.

Ну, думаю, началось...

В квартиру вошли помощник начальника полиции, изменник и продажная душа З., полицейский и еще один немец. З. спросил: «Где дочь?» Я ответила, что она ушла в село менять вещи. Последовали вопросы: с кем, куда и что она с собой взяла? Я ответила, что накануне вечером мы с ней говорили об этом, но куда она пойдет и с кем — об этом мы не договаривались; нас интересовало больше, что и как можно выгодней променять. Утром, говорю, я ушла на базар, а когда возвратилась домой, дочери уже не было.

Полицейские произвели обыск, перевернули в доме все вверх дном. З. все твердил, что вина моей дочери совсем незначительна, и что самые главные признались уже во всем, их только слегка отшлепали и отпустили, и что Валерия нужна, мол, как свидетель. З. давал слово честного человека, что если я скажу, где Валерия, то полиция

никогда не приблизится к моей квартире и Валерия будет спокойно жить в Краснодаре, а не скитаться где-то.

Как-то помимо воли у меня вырвалась фраза:

— А вообще есть ли у вас честное слово?

Побледнел изверг; его маленькие, быстро бегающие глаза налились кровью. Он выхватил наган, приблизил его к моему лицу и, топнув ногой, закричал:

— Ах, ты... Пристрелю! Собирайся немедленно. В полиции ты будешь говорить по-другому. Мы тебе сумеем развязать язык!

Я была очень спокойна. Оделась и стала прощаться с Люсей (моей второй дочерью). Ни она, ни я не плакали, хотя было очень тяжело и слезы навертывались на глаза.

З. снова заговорил мягко и вкрадчиво:

— Вот видите, к чему приводит ваше упорство! Вы губите сразу двоих детей: одну обрекаете на скитания, а вторую — на голодную смерть. Подумайте об этом, время еще есть.

Я снова повторила, что ничего не знаю. Он поднялся и приказал следовать за ним, пригрозив:

— Посмотрим, что вы скажете нам в полиции.

Мы вышли. На дворе поднялся ветер; мокрый и колющий снег залепил лицо. Все улицы и закоулки города я хорошо знала. У меня мелькнула мысль о бегстве, но, вспомнив о Люсе, я твердо пошла вперед.

В полиции меня обыскали, зарегистрировали, затем повели в кабинет к начальнику.

Кабинет был ярко освещен. За столом, в большом кожаном кресле, развалившись, сидел начальник. На столе лежали плети: толстые, тонкие, широкие, как ремни, со свинцовыми наконечниками. Слева от начальника сидел З. и заискивающе улыбался.

У дивана стоял Земнухов. Он был без очков и казался больше обычного сутуловатым. Глаза красные, веки сильно

воспалены. На лице ссадины и кровоподтеки. На полу лежало его пальто. Вся одежда на нем была в крови, рубашка на спине прилипла к телу. На полу краснели большие кровавые пятна. Эта картина произвела на меня страшное впечатление. Я сжала кулаки и невольно сделала шаг назад.

Из-за стола поднялся начальник — мужчина громадного роста, с огромными ручищами, сжатыми в кулаки. Шапка надвинута на лоб. Из-под нее на меня устремились маленькие, жесткие и колющие глаза. Он сделал несколько шагов ко мне и, потрясая в воздухе кулаками, посылал отборную ругань.

— Где дочка? С кем ушла?

Я ответила, что ничего не знаю о дочери, кроме того, что она ушла в село менять вещи.

— А где гранаты? — кричал он. — Ты тоже не знаешь? — И ударил меня по лицу.

Я пошатнулась. Помощник его ударил меня с другой стороны. На мою голову посыпались удары то справа, то слева, и я шаталась то в одну, то в другую сторону. Лицо сильно горело, в ушах звенело.

Повернувшись к Земнухову, начальник заорал:

— Где гранаты?

Земнухов устало ответил:

— Не знаю.

Начальник приказал вывести меня.

Полицейский, засуетившись, спросил:

— Куда ее отвести?

— Да-а, — протянул начальник, — у нас женской камеры нет. Но ты помести временно всех женщин в комнате против моего кабинета.

Мы вышли из кабинета, сделали два шага и остановились. Полицейский открыл дверь и язвительно заметил:

— Это будет ваша квартира. Пожалуйста. С новым селением!

В камеру, кроме меня, вошли две женщины — пожилая и молодая. Дверь за нами захлопнулась, стало очень темно. Рассмотреть ничего не удалось.

Я решила лечь на пол, но не успела сделать это, как услышала душераздирающие крики, затем глухие стоны. Я подошла к дверям, опустилась на колени и через замочную скважину стала наблюдать за коридором. Пожилая женщина горячо молилась богу. Молодая кого-то возмущенно ругала.

По коридору пробежал полицейский с ведром в руках, пронесли шомполы, какие-то широкие ремни и веревки. Где-то недалеко снова раздались душераздирающие вопли.

Я не выдержала, встала и отошла от двери.

Избивали и мучили людей часов до двух ночи, затем все утихло. До утра я не смыкала глаз.

Весь следующий день прибывали арестованные; приводили парней и девушек. В смежной с нами камере «занимался» следователь. Оттуда также доносились стоны, крики, ругань, удары о пол, возня, топот, лязг железа. Стена дрожала. Вызывали снова Земнухова, Мошкова и других и страшно издевались над ними. Истязания продолжались примерно до полудня.

Наступила вторая ночь. Она ничем не отличалась от первой: приводили людей, били, истязали; крики и стоны раздавались опять часов до двух ночи.

Я подолгу простаивала у дверей и через замочную скважину наблюдала за коридором. Мне все казалось, что ведут Валерию.

В нашу камеру стали часто приводить новых. Однажды полицейский втолкнул девушку и со смехом крикнул:

— Примите ворошиловградскую артистку!

У порога остановилась девушка лет 17—18, среднего

роста, белокурая. Непокорные пряди выходящих волос вы-
бивались из-под шапки. На ней было темносинее пальто,
в руках — сверток. Девушка обвела наши унылые лица
голубыми, как васильки, глазами и проговорила: «Не бу-
дем унывать. Здравствуйте!» И села среди нас на пол. Мы
молчали. Она еще раз окинула взором камеру и, обращаясь
ко мне, сказала:

— Хотите сладкого? У меня есть варенье и конфеты.

Она под села ко мне, развернула сверток и начала уго-
щать конфетами. Потом поставила банку с вареньем, поло-
жила печенье и говорит:

— Вот, гады, шоколад все-таки забрали. И гармошку
губную тоже... Я с ней ходила даже в разведку...

Кто-то сказал:

— Вряд ли придется здесь играть на гармошке! Они
так сыграют на твоей спине, что сразу отобьют охоту к
гармошке.

— У меня? Никогда, никакими средствами! Хныкать
меня не заставят! — загорячилась она.

Мы покушали сладкое, затем подошли с девушкой к
окну и стали тихо разговаривать. Я назвала ей себя.

— Вы похожи на Валу, — сказала она. — Ну, а я
Люба Шевцова. Мы с вашей дочерью должны были при-
везти из Ворошиловграда радиостанцию, но теперь все
провалилось! Помешали. Теперь эти гады требуют, чтобы
я сказала, где спрятана радиостанция. Дудки! Не на такую
напали!

— А, может, было бы лучше отдать им приемники? —
говорю ей.

Люба посмотрела на меня своими голубыми глазами и
возмущенно прошептала:

— Что вы, что вы! Отдать врагам, предать своих!
Никогда! Лучше самая лютая смерть. Так я буду
знать, что честно умерла, не погубила своих. А если бы я

открыла им секрет переговоров, то, вы думаете, они меня не пристрелили бы? Да и такую ценою купить жизнь? Ни-когда! Любка сумеет умереть честно.

Я пожала ей крепко руку, слезы выступили на моих глазах.

— Любаша, ты права! — сказала я.

Она обняла меня, и мы расцеловались.

Наша камера была уже переполнена. Арестованных женщин и девушек стали оставлять в коридоре. Там сидела Тося Мащенко с матерью, мать Иванцовой Ольги, Соколова и другие, которых я не знала.

Наутро в камеру вошли несколько жандармов, начальник полиции и переводчик. Начальник объяснял жандармам, кто и за что арестован. Потом они взяли список и назвали фамилии тех, кого решили отпустить домой. Из нашей камеры было отпущено человек десять. Оставшихся перевели в маленькую, сырую, грязную и вонючую камеру. Пол там был мокрый, со стен мелкими струйками сбегала вода.

Утром меня и Любу заставили носить кирпичи для кладки печи в кабинете начальника. В коридоре нас встретил переводчик. Я спросила его, почему меня не отпустили, как других матерей. Он ответил:

— Ваша дочь была активной, и о ее действиях вы не могли не знать.

Надежды на освобождение у меня рухнули. Я приготовилась испить чашу до дна.

В камеру прибыло пополнение — привели первомайских девушек. Это произвело на нас удручающее впечатление. Нам не хотелось верить, что гибнет все; мы себя убеждали, что отдельные молодогвардейцы спасутся и что работа вновь будет развернута.

Первомайцев разбили на две группы: часть поместили с нами, остальных отвели в другую камеру. Среди деву-

шек я узнала Ульяну Громову, Шуру Бондареву и Шуру Дубровину.

Громова произвела на меня очень хорошее впечатление. Это была высокого роста стройная брюнетка, с выющимися волосами и красивыми чертами лица.

— Борьба не такая простая штука, — говорила она. — Надо в любых условиях, в любой обстановке не сгибаться, а находить выход и бороться. Мы в данных условиях тоже можем бороться, только надо быть решительней и организованней. Мы можем устроить побег и на свободе продолжать свое дело... Подумайте об этом!

Она легла на пол вверх лицом, подложила под голову руки и стала смотреть в одну точку своими черными умными глазами.

Девушки попросили ее прочесть «Демона». Она охотно согласилась.

В камере стало совсем темно. Приятным мягким голосом Ульяна начала:

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой...

Вдруг раздался страшный крик. Громова перестала читать.

— Начинается, — сказала она.

Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь к нам, твердым голосом прочла:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!

Кто-то вздохнул и сказал:

— Трудновато добить этих гадов!

— Ничего, — ответила Громова, — нас миллионы! Все равно победа будет за нами.

Шура Бондарева — шатенка среднего роста, с карими глазами и приятными чертами лица — прекрасно пела и танцевала. Часто по вечерам мы просили Шуру что-нибудь спеть. В песни она вкладывала столько чувства, что каждое слово песни принимало какой-то особенный смысл.

В смежной камере сидел брат Шуры. Как-то раз она приблизилась к стене этой камеры и сказала:

— Сейчас спою для брата его любимую песню. Может быть, — прибавила она задумчиво, — он будет слушать меня в последний раз!

Она запела и под конец не выдержала, залилась слезами. Мы все молчали, опустив головы. Шура быстро успокоилась и сказала:

— Не люблю я хлюпиков и сама себя ненавижу, когда потечет эта соленая водичка. — Глаза у нее заблестели, и она запела какую-то веселую песню, затем предложила: — Давайте все вместе споем что-нибудь!

Мы запели любимую песню Ильича «Замучен тяжелой неволей». Пели хорошо, с душой, пели до тех пор, пока не застучал полицейский.

Камера была очень мала, но мы становились тесно к стенам, и Шура почти на одном месте умудрялась танцевать. В ее танцах было много изящества и красоты.

Дубровина Шура — плотная, среднего роста блондинка, круглолицая, с голубыми глазами. О себе никогда ничего не говорила, всегда успокаивала других и больше беспокоилась об окружающих. Подойдет бывало, прижмется, погладит волосы или руку и скажет:

— Не нужно плакать! Вон у Марии Андреевны ребенок

ПРИКАЗ

по штабу партизанского отряда „Молот“
19 декабря 1942 г. № 1 Красногорск

§ 1.

Каждый член отряда должен хранить военную тайну, быть бдительным и дисциплинированным. За нарушение вышеперечисленного виновный будет подвергаться высшей мере наказания.

§ 2.

Приказ командира закон.
Полученное задание член отряда должен обязательно повторить и сразу же приступить к его выполнению. Об исполнении доносить по команде.

Комиссар по „Молот“

/Кашук/.

совсем на улице один, и то она не плачет. Ну, успокойтесь! — Голос у нее делался нежным, просящим. Она говорила: — Поймите, ведь нашим родным гораздо тяжелее они, бедные, не знают, что с нами. Да то ли им придется еще пережить!

Ей всех было жалко, но врагов она умела ненавидеть. Когда она говорила о немцах, то все в ней кипело. Это была глубоко впечатлительная натура.

Наступила середина января. Наши войска быстро продвигались вперед. В камеру доносился шум машин, на которых убегали фрицы.

Как-то вечером стали вызывать арестованных из камер. Из нашей камеры вызвали Соколову и меня. Дубровина бросилась ко мне на шею, заплакала:

— Что это, освобождение или смерть?

Все очень волновались.

В коридоре в одну шеренгу была построена молодежь, и против каждого комсомольца стоял немец. Таким образом получилось две шеренги. Расстояние между шеренгами — один шаг. Переводчик держал какую-то бумагу в руках. Начальник тюрьмы суетился. Когда я появилась на пороге, он схватил меня за плечи, толкнул к выходу и сказал:

— Иди, иди отсюда!

Я выбежала на двор и не верила своему освобождению. На дворе стояла машина и подавала короткие сигналы. Видно было, что немцы торопились.

Я побежала домой. Мне казалось, что кто-то догоняет меня, что меня снова поймают и посадят в эту вонючую дыру...

Молодогвардейцев же палачи сбросили в шурф шахты. Свидетелем жуткой расправы был сторож. Он рассказывает, что три дня из шурфа доносились стоны...

М. Борц

МОИ ТОВАРИЩИ

...Части Красной Армии движутся в сторону Каменска. По улице одна за другой проходят машины. Пыль не успевает садиться и висит в воздухе, точно дымовая завеса. Красная Армия уходит...

На сердце становится тоскливо и больно. Кажется, как будто от тебя отрывают что-то родное, любимое, и всего этого жаль до слез. Но я не плачу, а только с грустью смотрю вслед уходящим и со страхом думаю о будущем.

20 июля я проснулась на рассвете. Издалека доносился глухой шум моторов. В город вошли немцы. Не успели они обосноваться в городе, как начали «охотиться»: забирали у населения все, что им только нравилось. Затем начались массовые расстрелы коммунистов и евреев. Я боялась за отца. А тут еще мы узнали, что на нас сделано два доноса в полицию. И мы решили, что папа должен уйти.

Через несколько дней он, измученный, полуслепой, пошел, куда глаза глядят. А я стояла и глядела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся. Страшно тяжело было на душе. Вереницей проносились мысли в голове:

«Еще сегодня этот человек имел семью, дом, детей, а теперь, как бездомная собака, должен скитаться по земле, кишащей врагом. А сколько замучено, повешено, растерзано ни в чем не повинных советских людей!»

От этих мыслей ненависть во мне забила ключом. Захотелось беспощадно мстить врагам, разрушившим нашу счастливую жизнь. И когда, через несколько дней, Степан Сафонов познакомил меня с Сергеем Тюлениным, рассказал об Олеге Кошевом и его прекрасном замысле создания подпольной антифашистской организации, я с большой радостью приняла предложение вступить в «Молодую гвардию».

Вскоре началась мобилизация молодежи в Германию. Немцы ложью и лестью пытались склонить молодежь к отъезду в Германию. Перед нами встала задача — разбить все уловки врага. Мы решили написать листовки и рассказать в них всю правду о подлых замыслах фашистов. И мы написали от имени штаба подпольной организации (ШПО) такую листовку:

«Смерть немецким оккупантам!

Прочти и передай товарищу!

Т о в а р и щ и !

Не верьте той лживой агитации, которую проводят шуцманы и полиция. Каждое их слово наполнено ложью. Они хотят вас завербовать для каторжных работ на рудниках, заводах. Впереди вас ждет смерть и голод вдали от своей родины. Не попадайтесь на удочки немецких подпевал и не верьте их лживой агитации. Становитесь в ряды защитников своих прав, своих интересов. Бейте, громите, уничтожайте фашистов в тылу!

ШПО».

Вслед за первыми листовками последовали другие. Затем мы начали записывать сводки Совинформбюро. Жители Краснодона, читая эти сводки, стали еще тверже верить, что Красная Армия скоро придет и освободит их от фашистов.

Однажды я видела, как по улице гнали толпу военнопленных — грязных, оборванных, голодных людей. Жители выносили хлеб и бросали прямо в толпу. Конвоиры кричали, стреляли, а толпа все шла, и ничем ее нельзя было остановить. Когда пленные проходили через переезд, один мужчина из толпы крикнул:

— Товарищи, крепитесь! Час расплаты близок, скоро солнце взойдет и над Краснодоном.

Все это было очень похоже на демонстрацию. В это время я тоже стояла возле переезда. Сердце было переполнено ненавистью к поработителям. Я с нетерпением ждала заданий от организации...

События нарастали. Далеко за Краснодаром уже сверкали зарницы наших мощных артиллерийских залпов. Мы же наносили врагу всё новые и новые удары изнутри.

Накануне 7 ноября 1942 года штаб «Молодой гвардии» принял решение водрузить красные флаги на зданиях города. Вечером в клубе ко мне подошел Сергей Тюленин и сказал:

— Валя! Есть задание. Пойдешь?

— Безусловно, — ответила я.

В половине десятого мы подошли к шахте № 1-бис. Был сильный дождь, грязь шлепала под ногами. Я, Дадыщев и Остапенко остановились и стали наблюдать за пустынным переулком, а Сергей полез на крышу вешать флаг. Вдруг я разглядела в темноте фигуру полицейского, тихо свистнула. Все притаились. Полицейский прошел мимо, ничего не заметив. Сергей укрепил флаг, и мы пошли домой радостные, возбужденные.

Немцы усиленно распространяли слухи, что Красной Армии, дескать, больше не существует, что Москва уже занята, а вместо Красной Армии сражаются монголы и калмыки под руководством англичан. Фашистские газетчики также распространяли всевозможные небылицы. Мы стали ожесточенно разбивать всю эту ложь. Беседовали с людьми, приводили тексты советских листовок, сообщали сводки Совинформбюро, доказывали населению, что фашистам выгодно сеять такие бредни. Обращали внимание на то, что немецкая армия разлагается, а среди румынских и итальянских солдат царит недовольство, что немцы пачками расстреливают румын, бросающих фронт...

Однажды мы увидели, как на машину, подъехавшую к

одному дому, фашисты стали грузить какие-то мешки и ящики. Воспользовавшись моментом, когда возле машины никого не было, я, Сергей Тюленин и еще несколько ребят, влезли в машину и увидели среди оружия мешки с новогодними подарками фрицам.

— Так этим гадам еще подарки? Не будет этого! — сказала я. — Сгружай, ребята!

Едва мы принялись за работу, как увидели полицейского. Из кузова Сергей вынул бак из-под бензина. Мгновенно приняли решение: «Если заметит, ударим его по голове баком и побежим». Но полицейский прошел мимо, ничего не заметив. Мы быстро разгрузили машину и спрятали всё в надежном месте. Наутро под руководством Мошкова и Земнухова все это мы перетащили в разрушенное здание городской бани, которое приспособили под склады оружия и продовольствия, похищенного у немцев.

Вскоре гестаповцы арестовали Мошкова. Через несколько дней мы убедились в предательстве. Остаться в городе уже было рискованно, и Олег Кошевой, Сережа Тюленин, Боря Гловань, Нина и Оля Иванцовы и я решили немедленно уйти и пробраться в Митякинский партизанский отряд. Но на известном нам месте отряда не оказалось, и мы пошли к линии фронта, чтобы перейти ее.

В одной из перепалок, недалеко от Фокино, я отбилась от товарищей. Жить было трудно. В кармане ни гроша, с собой никаких вещей. Кусок хлеба приходилось доставать с большим трудом. Я переходила из села в село. Затем пошла по направлению, где могли находиться части Красной Армии, но из-за сильного артиллерийского огня не смогла перейти линию фронта. Явилась к немецкому коменданту и сказала, что я эвакуирована из Сталинграда, и спросила, можно ли пройти в село, находящееся в шести километрах. Он ответил:

— Когда возьмем его обратно, тогда пойдете.

«Ура, значит там наши!» подумала я и, выйдя от коменданта, быстро направилась в Фокино.

По дороге я встретилась с Сергеем. Ночью мы перешли линию фронта и направились к Тарасовке. За околицей хутора встретили немца. Сергей поднял наган (он забрал его у одного убитого им немца) и крикнул: «Хэнде хох!» Немец поспешно схватился за автомат. Сергей выстрелил. С протяжным стоном немец повалился на снег. Едва мы успели снять с гитлеровца автомат, как в селе началась сильная пальба. К месту происшествия приближалась, стреляя на ходу, группа немцев. Мы снова разошлись с Сергеем.

Потянулись однообразные, тоскливые дни. Безумно хотелось узнать о родных, товарищах. Несмотря на грозившую мне опасность, я направилась в Краснодар. По дороге дважды попадала в полицию. Дома чуть-чуть не угодила в засаду. Не застав никого из товарищей в Краснодаре, я распрощалась с матерью и сестренкой и пошла в Ворошиловград, где и скрывалась до освобождения города Красной Армией.

Валерия Борц

ВОЛОДЯ ОСЬМУХИН

(Воспоминания сестры)

Володя, братишка мой, рос шустрым любознательным мальчиком. В школу пошел семи лет. Там он крепко подружился с Сережей Левашовым, будущим активным молодогвардейцем. После уроков они всегда вместе приходили к нам домой и начинали что-нибудь строить в сарае. А когда учились в четвертом классе, оборудовали в сарае

клуб: провели туда из квартиры электричество, сами сделали киноаппарат (схему брали из журнала «Знание — сила») и на деньги, собранные с посетителей своего клуба, купили пленку. И потом каждый день показывали малышам картины.

Учился Володя хорошо. В 1941 году он перешел в десятый класс. Началась война, и в первый же день он заявил, что хочет быть на фронте. Он пошел в военкомат, но там отказали в его просьбе: молод еще. Тогда Володя поступил работать в мастерскую слесарем и сразу же записался в истребительный батальон.

С каким увлечением он занимался в батальоне! Очень нравилось ему военное дело. Еще в школе он руководил военным кружком, а теперь это было всерьез, теперь готовились к схватке с врагом. Володя читал военные книги, уставы. В заводской работе он тоже не отставал и вскоре стал электромонтером.

Летом 1942 года Володя заболел аппендицитом. Его увезли в Изварино и там в госпитале сделали операцию. Когда привезли домой, началась эвакуация города. У Володигноился шов, и он лежал в постели. В квартиру заходили товарищи, прощались с Володией. Он провожал их со слезами на глазах.

20 июля в город вступили немцы. Как тяжело сейчас вспоминать черные дни оккупации! Немцы, как шакалы, врвались в дома, в сараи, тащили птицу, скот. В первый же день заявили к нам во двор. Расположились в квартире. Поснимали с себя белье и начали бить вшей. Гадко было зайти домой.

Володю вскоре вызвали на работу. Он был еще болен, но пошел. Вернулся злой, расстроенный: в механическом цехе рабочие запаивали принесенные немцами железные банки с медом и маслом для отправки в Германию.

Совсем изменился Володя. Стал он задумчив, неразговорчив, сразу как-то повзрослел.

Начали часто заходить к нам товарищи Володи: Ваня Земнухов, Анатолий Орлов. Зайдут, поиграют в шахматы и уйдут. Настроение у всех угнетенное.

Один раз пошли мы с Володиёй в Свердловку к дедушке. Было еще совсем тепло. Идем степью, кругом никого не видно. Мы запели с ним «Спят курганы темные». Потом Володя говорит:

— Я знаю, где наши войска находятся.

— Не обманывай.

— Честное слово!

— Где?

Он начал рассказывать мне сводку. Я остановилась и стала нетерпеливо расспрашивать его. Потом спросила:

— Откуда ты знаешь?

— Мы теперь всё будем знать. Только молчи.

Он рассказал, что у них есть где-то радиоприемник. Я была очень рада. Всю дорогу мы шли веселые. Пели наши родные советские песни. И все двадцать восемь километров прошли незаметно. Возвращались тоже с песнями. Особенно мне запомнилось, когда Володя с вдохновением запел: «Ах, ты, степь родимая, степь непобедимая! Сильными и смелыми ты родила нас...»

...Однажды пришла я домой, а дверь на крючке. Стучу. Через несколько минут открывает дверь Анатолий Орлов. Я вхожу. Володя сидит на сундуке. На полу и на сундуке налита вода.

— Что это вы делали? — спрашиваю.

Володя открыл шкаф и показал бутылку с раствором и печатный шрифт.

— Пока мало шрифта, но будет много. Завтра ребята пойдут в типографию и еще соберут. Теперь дело за станком. Скоро начнем печатать.

Володя не унывал, что станка нет: на то он и мастер.
— Станок сами сделаем, — сказал он.

И начал носить домой какие-то части от станка, деревянные плаочки.

У Володи появились новые друзья. Вечерами он куда-то уходил.

5 ноября дома не ночевал. А перед этим сказал мне: «Сегодня будем печатать листовки к празднику». Мама волнуется. Я тоже начинаю беспокоиться: «А вдруг полицейские проследили и арестовали?»

На заре Володя вернулся утомленный, но необычно веселый.

— Завтра листовки будут в Ворошиловграде. Направляем человека. У нас тоже будут расклеены и разбросаны по улицам. А седьмого на школе увидишь флаг, — сказал он мне шопотом. — Заминируем кругом, чтобы гада, который полезет снимать, разорвало на куски. Школу вот жалко. Но ничего — построим новую.

7 ноября утром прибегает к нам тетя и кричит:

— Флаг на школе! Наши родненькие пристроили!

Когда я увидела флаг, слезы у меня побежали из глаз.

Володя ушел на работу. В одиннадцать часов я принесла ему завтрак. Он с тревогой взглянул на меня и тихо спросил:

— Флаг висит?

— Нет, — говорю.

— Как? Почему же не взорвалась мина?

Недовольство выразилось на его лице.

— Значит, сняли. Ну, ничего. Теперь все знают о флаге.

По городу из рук в руки ходили листовки, сообщавшие правду о Красной Армии, о героической защите Сталинграда.

Часто Володя рассказывал, как они смеялись над немецкими плакатами и портретом Гитлера:

— Сядем и, глядя на портрет, пшем:

Эх, Расскажи, Расскажи, бродяга,
Чей ты родом, откуда ты?

1 января 1943 года Володе исполнилось 18 лет. Утром я его поздравила со днем рождения, сделала скромный подарок. Вскоре пришел Миша Григорьев, и они вдвоем ушли. Вернулся Володя с Толей Орловым, оба расстроенные. Толя быстро ушел. Я спросила, что случилось. Володя сообщил, что арестовали Мошкова, ищут Земнухова.

— А тебя не заберут? — встревожилась я.

Володя заверил, что его никто не выдаст, но сам, я видела, очень волновался.

Мама попросила нас сходить в Свердловку к бабушке за продуктами. Володя отпросился у начальника цеха, и 2 января, утром, мы пошли. Километров пять шли молча. Володя был мрачен. Я тоже не могла слова вымолвить. Потом он сказал:

— Неужели кто выдал? Жаль ребят.

Я опять к нему:

— А тебя не посадят? Ведь если узнают, повесят всех.

— Ребята не выдадут, я уверен.

Когда пришли к бабушке, Володя лег на диван и долго лежал молча. Весь вечер и весь другой день он был задумчив.

4 января мы пошли домой. Володя очень торопился. Опять шли молча. Тяжело было на сердце.

Спустился день к нам явились два полицейских.

— Кто здесь живет? — спросили они.

Я испугалась.

— Осьмухин. А вам кого нужно?

— Нам он и нужен.

Начался обыск. Первым делом спросили, есть ли фото-

аппарат и радиоприемник. Фотоаппарат я отдала, а радиоприемника, сказала, нет.

Всё перерыли.

— Оружие есть?

— Нет.

— Посмотри, как пол, — сказал один полицейский другому.

Тот полазил кругом, осмотрел пол, но ничего подозрительного не нашел.

В этот же день Володя был арестован.

Все ночи мы с мамой не спали, плакали. В городе говорили, что в воскресенье арестованных будут вешать. Я ходила по улицам, как помешанная. Каждый столб, каждое дерево казались мне виселицей. Я все думала: «Кто же выдал? Кто оказался продажной душой?»

Мучительно тянулись дни. Когда мы принесли из тюрьмы посуду, то несколько раз осматривали ее в надежде найти хотя бы слово от нашего дорогого. Одну записку передал он в остатке каши, другую — в рукаве майки. И все успокаивал нас, просил, чтобы мы не волновались. А его, дорогого братика, избивали до полусмерти, отливали водой и опять избивали.

Дедушка как-то пошел к следователю узнать о состоянии дела. Следователь ответил:

— Твой внук — партизан. На допросах ведет себя вызывающе. Говорит, что сознательно шел в партизаны, что презирает нас, немцев. Одним словом, твоему внуку готовится петля...

Помню день 16 января. Утром, как всегда, я пошла с передачей. Полиция вывесила список 23 арестованных, отправленных якобы в Ворошиловград.

Люди рассказали, что накануне, когда арестованных вывозили со двора тюрьмы, они пели «Замучен тяжелой неволей», а когда подвезли их к шурфу — они запели

«Интернационал». Как бандиты ни били их прикладами по лицу, а каждый молодогвардеец сумел все-таки сказать свое последнее слово, сказать, что он гибнет за родину, что победа будет за Красной Армией, что русская земля очистится от немецкой сволочи.

Не стало наших дорогих...

14 февраля 1943 года вступили в город наши танкисты. Население высыпало на улицы. Услышали мы родную речь, увидели родные звездочки. Такой радости никогда еще не было.

15 февраля мы с Ниной Земнуховой и Линой Левашовой пошли в здание, где помещалась полиция. Осмотрели камеры. В одной из них я нашла баночку из-под молока, которую мы передавали Володе. На стене роспись: «Осьмухин В. А. Взят 5.1.43». Долго не могла я оторваться от этой надписи. Сердце сжалось от боли.

Вскоре начали вытаскивать из шурфа шахты трупы. Сколько слез было пролито каждой матерью и сестрой! Трупы невозможно было узнать: до того они были изуродованы.

Похоронили всех в братской могиле, в парке. На их могилу ежедневно приносят букеты цветов родители, ученики, комсомольцы, дети. Краснодонцы воздвигли героям памятник с такой надписью:

И капли крови горячей вашей,
Как искры, вспыхнут во мраке жизни
И много смелых сердец загнут.

Память о молодогвардейцах будет нетленной в наших сердцах.

Л. Осьмухина

«КАШУК, ТВОИ СЛОВА Я НОШУ В СВОЕМ СЕРДЦЕ...»

Олег Кошевой читал мысли людей, правильно определял характер человека. Он мог моментально узнавать, чем дышит его собеседник. Это был человек больших, благородных чувств. Однажды он мне сказал:

— Нина, мы будем партизанами. Ты представляешь, что такое партизан? Работа партизана не легкая, но интересная. Он убьет одного немца, другого, убьет сотого, а сто первый может убить его; он выполнит одно, второе, десятое задание, но это дело требует самоотверженности. Партизан никогда не дорожит своей личной жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше жизни родины. И если требуется для выполнения долга перед родиной, для сохранения многих жизней, он никогда не пожалеет своей жизни, никогда не продаст и не выдаст товарища, — таков наш партизан, Нина.

Кашук, твои слова я ношу в своем сердце. Я передаю их сегодня всей нашей молодежи, которая всегда будет носить в своем сердце твой благородный образ.

Член подпольной шахтерской комсомольской организации «Молодая гвардия» *Нина Иванцова*

Сентябрь 1943 года. Гор. Краснодон, Донбасс

СОДЕРЖАНИЕ

Указы Президиума Верховного Совета СССР	3
Бессмертный подвиг комсомольцев-подпольщиков	7
Клятва молодогвардейцев	18
Герой Советского Союза Олег Кошевой	19
Герой Советского Союза Иван Земнухов	26
Герой Советского Союза Ульяна Громова	28
Герой Советского Союза Сергей Тюленин	32
Герой Советского Союза Любовь Шевцова	36
Боевой командир Иван Туркенич	40
Рассказ матери	44
Памяти брата	54
В камере	56
Мои товарищи	67
Володя Осьмухин	71
«Кашук, твои слова я ношу в своем сердце...»	78

Ответ. редактор Б. Дьяков.

Подписано к печати 25/IX 1943 г.
Л174003. 2,5 печ. л. 57664 зн. в печ. л.
(3,8 уч.-изд. л.). Тираж 100 000.
Заказ 1562.. Цена 60 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия”.
Москва, ул. Фридриха Энгельса,
д. 46.

17

